

Забытая комната

Автор:

Линкольн Чайлд

Забытая комната

Линкольн Чайлд

Джереми Логан #4

В секретном исследовательском центре «Люкс» словно поселился злой дух – ученых начали мучить видения и голоса из ниоткуда, а один из них даже покончил с собой. Напуганный директор центра призвал на помощь своего бывшего сотрудника, доктора Джереми Логана – специалиста в области энигматологии, науки, способной объяснять необъяснимое. Во время своих исследований тот обнаружил в недрах здания «Люкса» необычную комнату – без окон и без дверей, попасть в которую удалось лишь через пробитую в стене брешь. Внутри комнаты стояло странное механическое устройство, назначение которого определить было невозможно. Однако Логан сразу понял: зло, поселившееся здесь, исходит именно от этой машины. Осталось выяснить, как она работает, а главное – зачем...

Линкольн Чайлд

Забытая комната

Посвящаю Веронике

Lincoln Child

THE FORGOTTEN ROOM

Copyright © 2015 by Lincoln Child. This translation published by arrangement with Doubleday, an imprint of The Knopf Doubleday Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Э», 2016

1

Столь необычного зрелища почтенный и величественный Научный институт Глазго, основанный в 1761 году по милостивому повелению короля Георга, пожалуй, еще не видывал. На Большой лужайке, напротив административного здания, установили большой, заставленный микрофонами подиум. На складных стульях перед ним расселись десятка три репортеров, представлявших как местные издания, так и лондонские газеты «Таймс», «Нейчер», «Оушенографи», журнал «Тайм» и уйму других. Справа от подиума стояли две телекамеры – от Би-би-си и Си-эн-эн. Слева, на крепких деревянных подмостках, поместилась внушительных размеров и необычного вида машина из темного металла, своего рода гибрид сигарного туба и подушечки для булавок, футов тридцати в длину, с массивной насадкой, выступающей из верхнего края.

Нестройный гул голосов переговаривавшихся между собою репортеров стих, как только двери административного здания открылись и навстречу слепополуденному сентябрьскому солнцу вышли двое мужчин: один – низенький и толстенький, с шапкой седых волос и в плотном твидовом пиджаке; другой – высокий и худощавый, с суровыми чертами, светло-каштановыми волосами и внимательными серыми глазами. В отличие от своего спутника он был одет в консервативный темный костюм.

Оба подошли к подиуму, и тот, что постарше, прокашлявшись, обратился к публике:

– Дамы и господа, представители прессы... благодарю за внимание. Я – Колин Рид, ректор Научного института Глазго. Справа от меня – Джереми Логан.

Рид отпил воды из стоявшего на подиуме стакана и снова прочистил горло.

– Вы, наверное, хорошо знаете, чем занимается доктор Логан. Он, возможно, единственный и определенно самый выдающийся из действующих сегодня энигматологов. Его работа заключается в том, чтобы исследовать, интерпретировать и объяснять – иначе и не скажешь – необъяснимое. Он проливает свет на загадки истории, отделяет миф от правды и естественное от сверхъестественного.

Стоявший слева от Рида Джереми Логан едва заметно нахмурился, словно смущенный этим панегириком.

– Около двух месяцев назад мы связались с доктором Логаном, находившимся тогда в своем родном Йельском университете, и попросили выполнить для нас одно поручение. Если коротко, это поручение можно сформулировать так: доказать или опровергнуть существование животного, более известного как Лох-несское чудовище. Последние шесть недель доктор Логан провел в Инвернесе, где именно этим и занимался. И сейчас я попрошу его поделиться с нами результатами своих изысканий.

Рид отошел от микрофона, уступив место Логану, который, прежде чем заговорить, бегло оглядел собравшихся. Голос его, негромкий и мягкий, со среднеатлантическим акцентом, контрастировал с зычным, раскатистым басом шотландца Рида.

– Лох-несское чудовище, – начал Логан, – самое известное из всех так называемых шотландских озерных чудовищ и, возможно, самое знаменитое из криптоидов. Обращаясь ко мне, институт не ставил целью воспрепятствовать развитию местной индустрии туризма или вытеснить из бизнеса торговцев образчиками лох-несской иконографии. Скорее, его цель заключалась в том, чтобы положить конец попыткам разного рода любителей и энтузиастов отыскать это существо, попыткам, число которых возросло в последнее время и которые, по крайней мере дважды за прошлый год, приводили к трагической гибели людей.

Он сделал глоток из своего стакана.

– Я пришел к выводу, что для доказательства существования животного требуется одно: наблюдение объекта в его естественной среде. Доказательство же противного потребовало бы куда большей работы. Моим наилучшим союзником могла стать техника. Я обратился к командованию военно-морского флота Соединенных Штатов, в котором и сам некогда служил, с просьбой одолжить мне одноместный аппарат для подводных исследований. – Логан указал на необычного вида машину, установленную на деревянный помост. – Данный аппарат оборудован радаром непрерывного излучения, сонаром с синтезированной апертурой[1 - В данном случае апертура (также раскрыв) – условная плоская излучающая или принимающая излучение поверхность антенн.], эхолокационными устройствами, использующими технологию импульсной компрессии, и многими другими приборами для подводной картографии и обнаружения цели с последующим ее ведением.

Два фактора надлежало принять во внимание. Во-первых, Лох весьма протяжен и необычайно глубок, в некоторых местах глубина его достигает семисот пятидесяти футов. Во-вторых, судя по описаниям так называемых очевидцев, мы имеем дело с существом, морфология которого предполагает близость к плезиозавру. В таком случае его длина может быть от двадцати до сорока футов. Некоторые параметры – такие как дальность перемещения и экологическое предпочтение – оставались неизвестными, но определить их не представлялось возможным до обнаружения объекта.

Для начала я ознакомился с особенностями спускаемого аппарата и топографией озера – как в надводном, так и в подводном режиме. В решении первой задачи мне помог опыт службы на флоте. Период обкатки занял примерно неделю, и за это время я не обнаружил никаких признаков существа.

Далее я обратился к институту с просьбой обеспечить меня сетью. Такая сеть, размером восемьсот на десять тысяч футов, была изготовлена с использованием нейлоновой нити военного назначения.

Публика удивленно зашумела.

– Дальше началась весьма скучная, однообразная, но понятная – после нескольких первых прогонов – работа. Задачу мне облегчал тот факт, что озеро,

при длине около двадцати миль, не очень широкое – менее двух миль в самом широком месте. Мы начали с севера и двигались на юг. В работе мне помогали два аспиранта из института и две моторки из Инвернесса. Каждый день я совершал погружение и прочесывал участок озера протяженностью в одну милю в южном направлении. Все отрезки исследовались по трем осевым линиям – икс, игрек и зет. По каждому отдельному участку я делал три отдельных прохода на разной глубине, используя приборы наведения для обнаружения объектов определенного размера.

Оборудование, о котором идет речь, имеет значительный радиус действия и отличается высокой точностью; при наличии в исследуемом районе объекта заданных параметров я бы обязательно его обнаружил. В конце каждого дня я, с помощью аспирантов – по одному на каждом берегу – и двух моторок, перемещал сеть на одну милю вперед, к конечному пункту поисков на следующий день. Благодаря своему размеру она перекрывала все озеро в поперечнике, как противолодочное заграждение. Величина ячеек позволяла свободно проходить через нее обычным рыбам, но затрудняла проникновение объектов, ширина которых превышала сорок сантиметров.

В поисках существа я ежедневно исследовал участок озера длиной в одну милю. И в конце каждого дня, как уже упоминалось, мы переносили сеть на одну милю вперед. Таким образом, через двадцать дней мы достигли южной оконечности озера, но никого не обнаружили. Подводя итог, леди и джентльмены, я выражу его всего лишь в четырех словах, которые произнесу не без некоторого сожаления, поскольку и сам, как любой из вас, люблю криптозоологические легенды: никакой Несси не существует.

Слушатели встретили заявление аплодисментами и разрозненными смешками.

Издали донесся низкий и глухой, монотонно повторяющийся стук. По мере приближения в нем отчетливо проступал тяжелый ритм рубящих воздух вертолетных лопастей. Еще немного, и из-за ближайшего холма, застроенного домиками из красного кирпича, вынырнул пузатый военный вертолет. Снизившись – судя по опознавательным знакам, машина принадлежала военно-морскому флоту США, – он завис над Большой лужайкой и темно-серым подводным аппаратом. Заходила кругами прибитая ветром трава; репортеры похватили разлетающиеся бумаги и прижали к головам шляпы. Выбежавший из административного здания техник в комбинезоне прикрепил два выскользнувших из брюха вертолета огромных крюка к скобам на корпусе

спускаемого аппарата. Потом, отступив, поднял два больших пальца, и вертолет начал осторожно подниматься. Подводное суденышко оторвалось от платформы и, раскачиваясь, устремилось вверх. Набрал высоту, вертолет медленно повернулся носом на восток, унося с собою висящий на двух тросах груз. Через шестьдесят секунд он исчез. Вся операция заняла меньше пяти минут.

Секунду-другую Логан еще смотрел на дальний горизонт. Потом повернулся к репортерам.

– А теперь я с удовольствием – и по мере возможности полно – отвечу на ваши вопросы.

Три часа спустя в уютном, обставленном в духе времен Эдуарда VII баре самого шикарного отеля Глазго те же двое – Колин Рид и Джереми Логан – угощались неразбавленным односолодовым виски с густым торфяным ароматом.

– Отличный спектакль, – сказал Рид. – И я имею в виду не только сегодняшнюю пресс-конференцию.

– Актерская игра мне в новинку, – скромно ответил Логан. – Теперь буду знать, что, если весь этот бизнес с охотой на привидения сойдет на нет, я всегда смогу подработать на театральных подмостках – как-никак будет прибавка к моей йельской зарплате.

– «А теперь я с удовольствием – и по мере возможности полно – отвечу на ваши вопросы», – повторил, усмехаясь, Рид. – Хорошая оговорка. – Он сделал глоток скотча. – Что ж, думаю, после сегодняшнего объявления и введения новых правил в отношении использования на озере моторных судов поиски Лох-несского чудовища наконец-то прекратятся.

– Как мы и планировали.

– Ах да, – словно только что вспомнив о чем-то, пробормотал Рид и, сунув руку в карман, достал тонкий конверт. – Твое жалованье.

– Неудобно брать деньги у института, – сказал Логан, отправляя конверт в карман, – но я утешаю себя мыслью, что это компенсация за неизбежный удар по моей репутации, который последует, если правда все же вскроется.

– Позволь еще раз поблагодарить – от себя и, уверен, от имени Несси... – Ректор немного помолчал. – Информация у тебя?

Логан кивнул.

– И ты по-прежнему уверен, что ее следует уничтожить?

– Это всего лишь мое мнение. Что, если снимки окажутся в открытом доступе или – не дай бог – попадут в Интернет? Будет перечеркнуто все, чего мы достигли. Я сожгу их сразу же, как только доберусь до дома.

– Ты, конечно, прав... – Рид на секунду замялся. – Можно... Позволь взглянуть в последний раз?

– Конечно.

Логан огляделся, открыл лежавший рядом, на банкетке, кейс «Зеро Холлибертон», достал папку и передал ее Риду. Тот взял ее, перелистал страницы, и глаза его вспыхнули жадным блеском.

Представленные изображения были получены с помощью различных приборов: акустического рассеивателя, синтетического апертурного радара, активного лучеобразующего сонара. Все они показывали – под разным углом и в разных позициях – одно и то же: существо с массивным, яйцеобразным туловищем, боковыми плавниками и длинной тонкой шеей. Секунду-другую Рид рассматривал их, затем с печальным вздохом закрыл папку и вернул Логану.

Американец уже убирал ее в «дипломат», когда к столику подошел человек в форме служащего отеля.

– Доктор Логан?

Тот кивнул.

– Вам звонят. Пройдите, пожалуйста, к регистрационной стойке.

Логан нахмурился.

– Я сейчас занят. Это может подождать?

Служащий покачал головой.

– Нет, сэр. Они говорят, что дело неотложное. В высшей степени срочное.

2

Тому, кто едет по род-айлендскому шоссе номер 138 с запада, мост Верразано видится четырехполосным балочным сооружением весьма приятного – хотя и довольно рискованного – дизайна. Сезон активных поездок миновал, машин было немного, и Логан добавил немножко газу своему «Лотус Илан» 68-го года выпуска. Автомобиль послушно и без видимых усилий устремился вверх по въезду и дальше, по мостовому пролету. Внизу промелькнул узкий участок суши, а потом впереди показался другой мост: Клейборн-Пелл, намного более длинный и высокий. Неплохо разбираясь в строительных технологиях, Логан относился к висячим мостам с некоторой опаской, а потому слегка придавил педаль газа. Купе преодолело подъем, выскочило на вершину пролета, и все тревожные мысли о резонансных частотах вылетели у него из головы при виде открывшейся впереди и внизу картины.

Сияющий, подобно жемчужине под утренним осенним светом, перед ним, словно страна Оз в конце дороги из желтого кирпича, лежал Ньюпорт. Бухточки, марины, гавани, причалы и сверкающие здания, одетые в камень или обшитые выкрашенными белой краской досками и едва различимые издали, растянулись вправо и влево. Ближе к мосту воду бороздили подгоняемые ветром одномачтовые яхты и швертботы под белыми тугими парусами. Картина эта никогда не приедалась, и Логан, въезжая в Род-Айленд, неизменно любовался ею.

Съехав с моста, он повернул вправо, на Фэйрвелл-стрит, пересек узкие, забитые машинами полосы старого даунтауна и наконец оказался на Мемориал-бульвар. Как и все туристы, Логан свернул сначала влево, потом вправо, на Беллвью. Но затем, вместо того чтобы взять курс на восток, в сторону Клифф-Уок с ее идеально ухоженными фасадами таких коттеджей, как «Марбл-хаус» или «Брейкерс», он направился на юг, а потом на запад, к Оушн-авеню. За окном промелькнули несколько маленьких пляжей, загородный клуб и ставшие уже привычными летние особняки. Проехав еще мили две, Логан сбросил скорость перед узкой мощеной улицей, уходившей на юг от главной транспортной артерии города и не имевшей иного наименования, кроме прикрученной к дорожному знаку таблички с надписью: «ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ». Останавливаться он не стал и ярдов через сто достиг высокой кирпичной стены, тянувшейся вдаль по обе стороны дороги, насколько хватало глаз. Впереди дорога упиралась в ворота и старомодное, с шиферной крышей строение, служившее контрольно-пропускным пунктом. Логан остановился и предъявил документы. Охранник быстро просмотрел их, кивнул и вернул гостю. Решетка ворот поднялась. Логан помахал охраннику и проехал.

Узкая, петляющая дорога пролегла через небольшую рожицу с двумя следующими один за другим подъемами и спусками. Логан еще раз повернул и остановился, впервые за последние десять лет увидев «Люкс».

Сейчас тот выглядел даже больше, чем ему помнилось. Песочного цвета строение, напоминающее увеличенную копию английского Небуорт-хаус, простиралось, казалось, на многие мили и в самом конце разделялось на два крыла, Восточное и Западное. Оно напоминало Логану страну Оз – причудливое смешение стилей, якобинского, палладианского и высокой готики, мигающие под солнцем окна из освинцованного стекла. Лишь темные жилы расплзшегося по фасаду плюща, бдительно-настороженного, словно насупленного, фронтоны и башенки, да разбежавшиеся по крыше и будто приготовившиеся к сражению низкие зубцы придавали всему сооружению несколько зловещий облик. Впрочем, нет, не зловещий – это слово было бы слишком сильным, – но тревожащий, внушающий беспокойство. Такое определение пришло на ум при первом взгляде, и теперь Логан снова к нему вернулся. Высокая кирпичная стена, за которой он оказался, тянулась вдаль и то сбегала вниз, то карабкалась вверх, следуя капризам травянистого ландшафта, но в самом конце натыкалась на крутые, суровые, вознесшиеся над Атлантикой скалы. По бокам от главного здания разместились, словно разбросанные в беспорядке, еще с десятков строений, различных как по форме, так и по размеру: электростанция, оранжерея, склад и еще несколько сооружений без окон – Логан знал, что в них

располагаются лаборатории. Все вместе они образовывали небольшой городок наподобие университетского кампуса, занимавший территорию около сотни акров.

Ученый неторопливо проехал к парковочной площадке на ближней стороне Восточного крыла. Передний вход, обрамленный четырьмя массивными соломоновыми колоннами, поддерживавшими мраморный фронтон, был излишне величественен, чтобы служить чем-то иным, кроме как украшением. Логан вышел из машины и направился по короткой дорожке, с обеих сторон обсаженной деревьями, к двойным дверям. И только здесь привинченная к фасаду потемневшая от времени и стихий бронзовая табличка извещала посетителя, что ему дозволено лицезреть «ЛЮКС».

Сбоку от двери имелось несколько устройств: цифровая панель, интерком с зуммером и еще один гаджет, назначение которого Логан установить не смог. Отпечатанное на принтере и прилепленное поверх всех этих технических штуквин бумажное объявление гласило:

ЖИЛЬЦЫ И ГОСТИ,

ВО ВНЕУРОЧНОЕ ВРЕМЯ

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ КЛАВИАТУРОЙ

Поскольку к Логану это не относилось – был еще полдень, – он нажал кнопку звонка.

Через секунду из динамика донесся скрипучий женский голос:

– Да?

– Доктор Джереми Логан, – сказал он, наклоняясь к микрофону.

Ответ пришел с небольшой задержкой.

– Пожалуйста, входите.

В интеркомме зажужжало; двери распахнулись, и Логан вошел в длинный и широкий коридор, знакомый по прошлым посещениям и недвусмысленно оповещающий о двойном назначении громадного здания. Отделанные элегантным, почти вычурным молдингом, стены и потолок вполне могли отражать вкусовые предпочтения какого-нибудь «барона-разбойника» прошлого века, однако заваленные книгами столы, затоптанная ковровая дорожка, таблички на дверях и бросающиеся в глаза красные указатели запасных выходов намекали на нечто совершенно иное.

Пройдя с десяток ярдов по коридору, Логан повернул к двери с табличкой «ПРИЕМНАЯ». В комнате звонили телефоны, пальцы деловито щелкали кнопками клавиатур, однако ученый моментально распознал растворенное в воздухе непривычное, приглушенное ощущение, отчетливо пробивавшееся сквозь нормальный, профессиональный тон занятого работой офиса.

Сидевшая за длинным письменным столом женщина подняла голову и вопросительно посмотрела на него.

– Доктор Логан?

– Совершенно верно.

– Я предупредила директора. Он сейчас спустится.

Логан кивнул.

– Спасибо.

Он посмотрел на обтянутые кожей кресла и диванчики, дополнявшие обстановку приемной, и уже собирался сесть, когда в дверном проеме образовалась знакомая фигура. Грегори Олафсон, конечно, постарел – некогда густые черные волосы были теперь блее снега, морщинки у глаз, проступавшие, только когда он смеялся, врезались в кожу глубокими бороздками, – но не печать возраста, а нечто иное лежало на его лице. Увидев гостя, Олафсон улыбнулся, однако улыбка, едва появившись, тут же погасла.

– Джереми. – Он шагнул к Логану, протягивая руку. – Рад снова тебя видеть.

– Здравствуй, Грегори.

– Понимаю, ты, должно быть, спрашиваешь себя, что это все значит. Идем – я объясню в кабинете.

Он повернулся и вышел из приемной. Логан последовал за ним.

3

Кабинет Олафсона остался таким, каким и помнил его Логан. Темные, в эдвардианском стиле, деревянные панели, начищенные до блеска латунные ручки, сохранившиеся с незапамятных времен и изображавшие непонятно что картины на стенах – Олафсон предпочитал абстрактный экспрессионизм. Занимавшие одну стену высокие, с прочными рамами окна открывали вид на ухоженный ландшафт: зеленую лужайку, спускающуюся к скалистому обрыву над бурливым океаном. Тяжелые, с освинцованным стеклом, рамы были слегка подняты, и Логан слышал далекий шум бьющихся о берег волн и ощущал солоноватый запах моря.

Директор предложил гостю кресло и сам опустился в соседнее.

– Спасибо, что приехал так быстро.

– Ты сказал, что дело срочное.

– Таковым я его и считаю. Но почему... тут есть определенные затруднения. Это... – Олафсон на секунду замялся. – Это по твоей части. Вот я и решил, пока ты не занят, воспользоваться твоими услугами.

В комнате стало тихо, несколько секунд мужчины молча смотрели друг на друга.

– Прежде чем сказать что-то еще, – продолжил наконец Олафсон, – мне нужно быть уверенным, что на твою оценку не повлияют ни предубеждения, ни недоброжелательность, которые могли возникнуть вследствие... э... наших прошлых разногласий.

За этим вступлением последовала еще одна пауза. Сидя в кресле, Логан задумчиво смотрел на директора «Люкса». Последний раз они с Олафсоном разговаривали лет десять назад, и тогда он сидел в этом же самом кресле. И время года было то же. И даже выражение лица у его собеседника – взволнованное, нетерпеливое. Продравшись через завесу времени и памяти, пришли обрывки тогдашней короткой речи Олафсона: «Некоторые наши сотрудники больше озабочены... восприняли недостаток академической строгости... на первом месте должно стоять благо старейшего и самого престижного политического института нации...»

Логан сел поудобнее.

– С этим проблем не будет.

Директор кивнул.

– Я могу положиться на твою полнейшую осмотрительность? Многое из того, что ты услышишь, является секретом даже для факультета, стипендиатов и штатных работников.

– Осмотрительность и осторожность – часть моей работы. Не стоило и спрашивать.

– В том-то и дело, что я обязан это сделать. Ладно, спасибо. – Олафсон бросил взгляд в окно и снова повернулся к гостю. – Помнишь доктора Стрейчи?

Логан на секунду задумался.

– Ты имеешь в виду Уилларда Стрейчи?

Олафсон кивнул.

- Он ведь занимается компьютерами, так?

- Верно. Некоторое время назад Стрейчи оказался в центре... э... весьма трагического происшествия, произошедшего здесь, в «Люксе».

Так вот откуда это непонятное ощущение напряженности, подумал Логан, вспомнив свое недолгое пребывание в приемной.

- Рассказывай.

Прежде чем продолжить, директор снова посмотрел в окно.

- Последние пару недель Стрейчи был сам не свой.

- А конкретнее? - спросил Логан.

- Беспокойный. По-видимому, не спал или сильно недосыпал. Раздраженный, что, если помнишь, совершенно ему несвойственно. И еще... - Олафсон снова замялся. - Начал разговаривать сам с собой.

- Неужели?

- Так мне докладывали. Разговаривал негромко, бормотал что-то под нос, но подолгу и временами весьма оживленно. А три дня назад у него вдруг случился нервный срыв.

- Продолжай.

- Потом вспылил, начал нападать на свою ассистентку. - Олафсон нервно сглотнул. - Какая у нас здесь служба безопасности, ты и сам знаешь - можно сказать, одно название, и регулировать такого рода... проявления мы не в состоянии. Кое-как удержали, изолировали в гостевой библиотеке на первом этаже, а потом позвонили девять-один-один.

Логан молчал, ожидая продолжения, но Олафсон поднялся, подошел к стене и отшел в сторону декоративную занавеску, скрывавшую проекционный экран. Потом он выдвинул ящик в той же стене, достал цифровой проектор, подключил

к сети и направил на экран.

– Нам обоим – и тебе, и уж точно мне – будет легче, если ты увидишь все сам. – Директор шагнул к стене, щелкнул выключателем и включил проектор.

Некоторое время экран оставался темным. Потом по нему пробежали какие-то цифры. И лишь затем появилась «картинка», черно-белое, немного зернистое при данном уровне увеличения изображение: сигнал поступал с камеры системы видеонаблюдения. По нижнему краю рамки поползла отметка времени и даты. Помещение Логан узнал сразу. Это была, как и сказал Олафсон, гостевая библиотека «Люкса»: роскошно обставленная комната с изысканными канделябрами и кессонным потолком. Три стены были заставлены книгами, четвертая отдана нескольким высоким окнам с такими же, как в директорском кабинете, тяжелыми рамами. Повсюду в этом просторном помещении стояли кресла, оттоманки и банкетки. Библиотека не предназначалась для работы – настоящая, рабочая, находилась где-то в другом месте, и книгами была укомплектована гораздо полнее, поскольку ее создали с иной целью: производить впечатление на гостей и потенциальных клиентов.

В какой-то момент в поле зрения установленной где-то вверху камеры видеонаблюдения появился человек, который расхаживал взад-вперед по дороговому ковру и явно пребывал в состоянии крайнего возбуждения. Он то рвал на себе одежду, то дергал себя за волосы. Присмотревшись, Логан узнал доктора Стрейчи, изрядно постаревшего и выглядевшего лет на шестьдесят – шестьдесят пять. То и дело ученый останавливался и наклонялся вперед, зажимая ладонями уши и как будто пытаясь заблокировать некий невыносимый звук.

– Мы поместили его туда, – объяснил Олафсон, – чтобы не навредил ни себе, ни кому-либо еще до прибытия помощи.

Тем временем на экране Стрейчи подошел к двери и принялся дергать ее, что-то при этом выкрикивая.

– Что он говорит? – спросил Логан.

Олафсон покачал головой.

– Не знаю. Боюсь, какой-то бред. Качество аудиозаписи очень низкое, встроенный микрофон имеют лишь немногие камеры видеонаблюдения.

Между тем Стрейчи не только не успокаивался, но и наоборот, возбуждался все сильнее. Он стучал по стенам, выдергивал с полок и швырял через комнату книги. Снова и снова ученый останавливался, затыкал пальцами уши и мотал головой, как поймавший крысу пес. Потом подошел к окну и принялся колотить по нему кулаками, но разбить освинцованное стекло оказалось не так-то просто. Потерпев неудачу, Стрейчи заметался, как слепой, по библиотеке, шатаясь, размахивая руками, натываясь на стены и переворачивая столы. В какой-то момент он оказался недалеко от камеры, и голос его стал яснее, но потом Стрейчи отвернулся, отдуваясь и оглядываясь по сторонам. И вдруг затих.

Краем глаза Логан заметил, что Олафсон перестал смотреть на экран.

– Должен предупредить, Джереми, эта часть чрезвычайно неприятная.

Человек на экране снова направился к окнам. Сначала медленно, потом быстрее, решительнее. Подойдя к ближайшему, он попытался поднять раму, но та сдвинулась лишь на несколько дюймов.

Стрейчи перешел к соседнему окну и принялся дергать раму вверх, но и здесь его успех измерялся парой дюймов. Старомодные, с металлическим кантом, рамы были очень тяжелы; кроме того, их десятилетия не чистили и не смазывали.

С третьим окном узнику повезло больше – уже со второй попытки рама поддалась и сравнительно легко пошла вверх. Сначала Стрейчи толкал ее обеими руками, потом приспособился делать это плечом. Логан даже расслышал, как он сопит от натуги. Старания наконец увенчались успехом, и рама поднялась на максимальную высоту: почти на пять футов от подоконника.

Сетки на окне не было, поскольку библиотека находилась на первом этаже, и теперь ученому открылся путь к свободе. Оставалось только сделать еще один шаг. «Так в чем же здесь трагедия? – подумал Логан. – Ну поехала крыша у одного ученого, и что?»

Стрейчи, однако, выпрыгивать из окна не стал, но наклонился, протянул руку к правому краю и как будто нащупал что-то в пазах. Цепь, понял вдруг Логан и, заинтригованный, даже подался вперед. Держа цепь в одной руке, другой Стрейчи совершал какие-то манипуляции с неким предметом, который оставался скрытым от камеры наблюдения.

Потом он поднял руку, и Логан увидел в ней железный противовес, штуквину около десяти дюймов в длину и, по-видимому, довольно тяжелую. Отсоединив противовес от цепи, Стрейчи бросил его на пол. Теперь рама оставалась в поднятом положении лишь потому, что ученый удерживал цепь.

Логан вдруг поежился, словно его коснулось леденящее дыхание страха.

Не выпуская цепь, Стрейчи опустился на колени перед окном и положил голову на подоконник. Логан замер, не отрывая взгляд от экрана и слыша хриплое, прерывистое дыхание.

А потом Стрейчи выпустил цепь из пальцев... С резким пронзительным скрипом, напоминающим гудок поезда, тяжелая металлическая рама ухнула вниз. И даже грохот от удара не заглушил жуткий треск кости. Тело несчастного дернулось, словно от прикосновения оголенного электрического провода. Логан торопливо отвернулся, но еще раньше отрубленная голова улетела в цветочную клумбу под окном библиотеки, а бесстрастный глаз камеры наблюдения зафиксировал густой поток черной крови.

4

По меньшей мере с минуту мужчины оставались на месте. Потом директор включил свет, убрал в ящик проектор, завесил шторой экран и вернулся к своему креслу.

– Боже мой, – пробормотал Логан.

– Мы, разумеется, не могли скрыть факт самоубийства Стрейчи, – вздохнул Олафсон, – но по понятным причинам постарались свести к минимуму детали

происшествия. Тем не менее какая-то информация просочилась... ходят слухи... – Он посмотрел на Логана. – Должен спросить, у тебя уже есть какие-то мысли?

– Боже мой, – повторил Логан.

Увиденное потрясло его. Он пытался вызвать из памяти образ Уилларда Стрейчи, сохранившийся с тех времен, когда они вместе работали в «Люксе», но каждый раз видел тихого, немного стеснительного мужчину с жидкими, мышиного цвета волосами. При встречах они обменивались ничего не значащими улыбками, кивали друг другу, однако никогда не разговаривали.

Стараясь отойти от шока, Логан повернулся к Олафсону.

– Думаю, – медленно начал он, – покончить с собой таким способом может только тот, кто совершенно не в состоянии прожить хотя бы еще одну минуту. Он не мог ждать, когда получит доступ к таблеткам, оружию, автомобилю или сумеет забраться на крышу. Ему требовалось умереть. Срочно. Не откладывая.

Директор кивнул и подался вперед.

– Я не занимаюсь повседневными делами «Люкса» – эта обязанность возложена на Перри Мейнарда. Но я знаю Уилла Стрейчи более тридцати лет. Человек психически стабильный, сдержанный, в высшей степени благоразумный. Ко всему прочему, был одним из моих лучших друзей и шафером на моей свадьбе. Чтобы Уилл напал на кого-то... такое невозможно. И он никогда бы – никогда – не совершил самоубийство. Тем более таким ужасным образом. Его всегда отталкивало уродство, он избегал любого рода сцен. Поступок, свидетелями которого мы были, глубоко противен самой его натуре.

Олафсон наклонился еще ниже.

– Власти, разумеется, просто зафиксировали самоубийство, и на этом все закончилось. Они вообще весьма туманно представляют, что такое политические институты и кто в них работает. А полицейский психиатр, насколько я помню, отделался такой отпиской: «Короткий реактивный психоз, вызванный состоянием фуги». – Он горько усмехнулся. – Но я же понимаю, что это не так. И я понимаю кое-что еще: человек на видео – не тот, кого я знал. Вот так. Все просто – и все сложно. Поэтому мы и пригласили тебя.

– Не вполне мое направление, – сказал Логан. – Я – энигматолог, а не частный детектив.

– А разве здесь не энигма? – спросил Олафсон, и голос его задрожал от сдерживаемых чувств. – Я ведь только что сказал: человек на видео – не Уиллард Стрейчи. Уилл никогда бы так не поступил. И тем не менее налицо факт, отрицать который невозможно: он покончил с собой. Ты это видел. А я видел еще и тело. – Директор перевел дух и провел ладонью по лбу. – Нужно выяснить, что с ним случилось. И нужно это не мне, а «Люксу».

– Ты говоришь, что он был одним из лучших твоих друзей. Его что-нибудь беспокоило? В личной жизни? На работе?

– В последние год-два я видел Уилларда не так часто, как хотелось бы. – Олафсон махнул рукой в сторону заваленного бумагами стола. – Но, уверен, его ничто не беспокоило. Он не был женат, жил один, и такая жизнь вполне его устраивала. В финансовом плане был независим. Со здоровьем никаких проблем; весь здешний персонал проходит ежегодный медосмотр, и последний, два месяца назад, ничего не выявил – я сам проверял. Насколько мне известно, Уилл собирался уходить; однако об этом лучше поговорить с его ассистенткой Ким или же доктором Мейнардом. Но уверяю тебя, перспектива отставки ничуть его не пугала. В «Люксе» он был полным стипендиатом и внес огромный вклад в исследования, область которых сам же и выбрал. Ему было чем гордиться и ради чего жить. Когда мы обедали в последний раз, Уиллард много говорил о том, чем ему не терпится заняться в отставке. Он планировал тур по соборам Европы – увлекался архитектурой и архитектурным дизайном, много читал по этому предмету. Думал вернуться к музыке... Ты, наверное, не знал, что он был талантливым пианистом и получил классическое музыкальное образование? Долгое время, год за годом, ему приходилось отказываться от серьезной практики из-за занятости на работе. А еще Уиллард мечтал поплавать по Средиземному морю – он был неплохим моряком. Так что у него имелось все, ради чего стоит жить. Всё.

Почти минуту в кабинете стояла тишина. Потом Логан кивнул.

– Я согласен. Но только при одном условии. Мне понадобится полный, неограниченный доступ ко всем офисам, лабораториям и архивам «Люкса».

– Хорошо, – после секундной, почти незаметной паузы сказал директор.

– Мне нужно как-то представляться? Объяснять причину, почему я нахожусь здесь, что выискиваю и высматриваю, с какой стати задаю вопросы? Как-никак у меня ведь с «Люксом», скажем так, своя история, и ее надо принимать во внимание.

Олафсон огорченно поморщился.

– Я уже думал об этом. Многие из тех, кого ты знал десять лет назад, до сих пор работают здесь. Ты, конечно, за эти годы стал личностью весьма известной. Но, поскольку тебе потребуется свобода действий, я не вижу оснований ни скромничать, ни маскироваться, ни вводить людей в заблуждение. Ты здесь по приглашению совета директоров, и твоя задача – изучить обстоятельства смерти доктора Стрейчи. Вот так. А уточнять я не собираюсь.

– Очень хорошо. Прежде чем приступлю к делу, надо ли мне знать что-то еще?

– Да. – Директор на секунду задумался. – Чтобы не было недосказанностей, хочу сразу предупредить: не все здесь будут рады тебя видеть. Я имею в виду не только твою, как ты выразился, историю с «Люксом». После тебя в организацию влилось много свежей крови, но по сути «Люкс» остался местом очень консервативным. Ты встретишь людей, которые будут сомневаться в твоих мотивах, людей, которые будут относиться к тебе с недоверием. Скажу больше, при обсуждении вопроса о твоём приглашении совет директоров разделился пополам, три на три. Так что для принятия решения голосовать пришлось мне.

Логан немного устало улыбнулся.

– К этому я привык. Похоже, такое уж невезучее место.

– Ты ведь все еще работаешь в Йеле, верно?

– Верно.

– Что ж, это обстоятельство может сыграть в нашу пользу. – Олафсон поднялся. – Идем – оформим все по правилам.

В половине пятого того же дня Логан стоял в своем кабинете на третьем этаже и задумчиво смотрел в окно. Окно было той же, что и в гостевой библиотеке, конструкции – тяжелое, с освинцованным стеклом и облицованное металлом, и Логан знал, что уже никогда больше не посмотрит на него так, как прежде. Сейчас оно было закрыто, но ученый все равно слышал глухой рокот Атлантики, бросающей волны на скалистый берег.

Логан поднял руку и провел пальцами по оконной раме. История «Люкса» началась с частного клуба, основанного в начале 1800-х шестью профессорами Гарварда для обсуждения вопросов искусства и философии. С годами амбиции и возможности заведения росли, цели расширялись, и в 1892-м клуб был реорганизован в «Люкс»; в нем появился свой устав, а финансовое положение укрепилось за счет щедрых пожертвований. Старейший в стране институт политических исследований – «мозговой центр» для непосвященных – более чем на два десятилетия опередил Институт Брукинга. В первые годы существования ему сопутствовал беспрецедентный успех. В условиях быстрого роста прежние помещения уже не соответствовали новым требованиям, и «Люкс» перебазировался из Кембриджа сначала в Бостон, а потом, в начале 1920-х, в Ньюпорт, где у наследников одного эксцентричного миллионера был куплен особняк, известный как «Темные фронтоны». В последующие годы институт продолжал благоденствовать, проводя исследования в таких областях, как экономика, политика, прикладная математика, физика, а в последнее время и компьютерная наука. Единственной запретной темой – и это оговаривалось в уставе организации – являлись исследования, результаты которых могли быть в той или иной форме использованы в военных целях. Этим «Люкс» отличался от других «мозговых центров», которые с готовностью принимали прибыльные заказы на проведение соответствующих работ.

Логан отступил от окна и оглядел предоставленный в его распоряжение офис. Как и повсюду в здании, все здесь было пышное, богатое, изысканное. Помимо рабочего кабинета ученый мог пользоваться небольшой гостиной, спальней и ванной. Взгляд Логана остановился на письменном столе. Он уже разложил кое-что из своего обычного оборудования: ноутбук, камкордер, цифровой диктофон, детектор электромагнитного излучения, инфракрасный термометр и с десяток книг, в том числе и старинных, в кожаных переплетах.

В дверь осторожно постучали. Логан открыл – за порогом мялся парень в невыразительном деловом костюме.

– Извините. – Он протянул запечатанную папку с надписью: «ЛИЧНО И КОНФИДЕНЦИАЛЬНО». – Доктор Олафсон просил передать лично вам в руки.

– Спасибо, – кивнул Логан.

Парень повернулся и зашагал по коридору, застеленному дорогой ковровой дорожкой. Логан толкнул плечом дверь и распечатал папку. В ней оказался один-единственный, неподписанный DVD-диск.

Энигматолог вернулся к столу, сел, включил ноутбук, подождал, пока тот загрузится, и вставил диск. Через пару секунд на экране открылось окошко медиаплеера. Воспроизведение началось автоматически. Логан сразу понял, что перед ним та самая, черно-белая и не лучшего качества, запись с камеры наблюдения, которую он смотрел в кабинете директора: роскошная библиотека и человек, расхаживающий туда-сюда и дергающий себя за волосы.

Логан щелкнул кнопкой «пауза». Смотреть это еще раз не хотелось. Глядя на застывшего на экране Стрейчи, он вспомнил слова Олафсона: «...я знаю Уилла Стрейчи более тридцати лет. Человек психически стабильный, сдержанный, в высшей степени благоразумный ...у него было все, ради чего стоит жить ...человек на видео – не тот, кого я знал».

Логан закрыл окошко плеера и открыл утилиту для извлечения аудиодорожки из DVD. Потом открыл полученный файл с помощью специальной программы аудиоредактора и прослушал его целиком. Запись продолжалась четыре минуты и двадцать секунд. После первого прослушивания Логан стер последние тридцать секунд: визг падающей оконной рамы, тошнотворный хруст костей и два последовавших за этим глухих удара – слушать это было почти так же невыносимо, как и видеть воочию.

Теперь Логан прослушал аудиофайл еще раз. Первые сорок пять секунд занимали тяжелые шаги и хриплое дыхание. Эту часть он тоже стер. Оставшаяся, примерно трехминутная запись плохого качества содержала бормотание, шипение и цифровые артефакты.

В главном окне редактора аудиодорожка была представлена волновой формой: растянувшаяся слева направо жирная, рваная линия, нашпигованная острыми, похожими на иголки шипами. Логан открыл окно поменьше и выбрал функцию спектрального анализа аудиофайла. Некоторое время он смотрел на дисплей, изучая и подстраивая амплитуды и частоты. Потом, передвигая ползунки, прошелся по файлу шумоподавитель. И затем, усилив сигнал, провел файл через параметрический эквалайзер, совмещенный с фильтром высоких частот.

Теперь, очищенный от большей части посторонних шумов, файл звучал громче и яснее. Логан уже различал голос Стрейчи, но понять, что говорит ученый, все еще было трудно – отчасти по причине плохого качества записи и отчасти из-за того, что Стрейчи то вздыхал, то бурчал. Тем не менее Логан приложил максимум усилий для расшифровки, снова и снова проигрывая трудные куски, снова и снова вслушиваясь в невнятное бормотание. По мере возможности он старался поставить себя на место Стрейчи, представить, что тот мог чувствовать, и затем интерполировать результаты.

– Нет... Нет. Я не могу. Не могу.

Дальше – учащенное дыхание.

– Помогите. Пожалуйста, помогите мне. Оно следует за мной повсюду. Повсюду. Я не могу... не могу от него спастись!

Логан услышал, как Стрейчи дергает дверную ручку, сбрасывает с полок книги.

– Оно идет из... (неразборчиво). Я знаю... знаю...

Что-то загремело... перевернутый стол. Голос ненадолго зазвучал яснее.

– Голоса... слишком близко. Они словно яд. Надо уйти.

Стрейчи снова удалился от камеры, и голос стал доноситься издалека.

– Оно со мною. Они со мною. В темноте. Нет, господи, нет...

И вот... Внезапно дрожь, волнение ушли. Дыхание замедлилось, сделалось почти спокойным. Логан остановил запись; он знал, что будет дальше.

Сохранив расшифровку в виде текстового файла, Логан закрыл ноутбук, поднялся и подошел к окну с видом на угрюмо-серую Атлантику. Расшифровывая запись, он попытался поставить себя на место Стрейчи, но теперь уже жалел об этом. Там не было ничего, кроме необъяснимого, внезапного безумия. Безумия и смерти.

Они со мною. В темноте.

Солнце заливало зеленую лужайку, убегавшую от особняка к морю. В обшитом дубовыми панелями кабинете было тепло, но Логан невольно поежился, словно ощутив пробежавший по спине озноб.

6

В половине восьмого Логан вышел из офиса, спустился по широкой центральной лестнице и вошел в главную столовую. Ставшие для «Люкса» домом, «Темные фронтоны» являлись продуктом лихорадочного воображения Эдуарда Делаво. Во время строительства чудаковатый миллионер-затворник купил старинный французский монастырь, разобрал его камень за камнем и, перевезя в Род-Айленд, встроил в свой особняк. В бывшем монастыре нынешняя столовая служила трапезной. Просторное готическое помещение, с солидными деревянными балками, образующими сводчатый потолок, и декоративными арками, выстроившимися вдоль обитых гобеленами стен. Иллюзию нарушали две стоящие одна против другой соломонovy колонны с витой мозаикой – двойники тех, что стояли у главного входа. Служившие изначально опорами, такие колонны, хотя и разных размеров, встречались в «Люксе» повсюду.

Задержавшись на мгновение у входа, Логан скользнул взглядом по столам, обедающим за ними людям и официантам в смокингах, деловито снующим там и сям. Несколько лиц показались ему смутно знакомыми, но куда больше было тех, кого он не знал. Одинаковые, круглые, рассчитанные на шесть мест столы были накрыты белыми льняными скатертями.

Один из ближайших к двери столов оказался занят ровно наполовину. Двое, мужчина и женщина, уже сидели, а третий – на виртуальное присутствие которого указывало присутствие прибора, – скорее всего, временно отлучился. В мужчине Логан узнал Джонатана Кинга, специалиста по теории игр. Во времена работы Логана в «Люксе» каких-либо близких отношений они не поддерживали, но Кинг всегда казался доброжелательным. Направившись к столу, энигматолог моментально привлек к себе внимание, к которому уже давно привык, поскольку его фотографии довольно часто появлялись на обложках различных журналов.

Кинг тоже поднял голову, но узнал бывшего коллегу не сразу, а когда узнал, расплылся в улыбке.

– Джереми! – Он поднялся из-за стола и протянул руку. – Какой сюрприз... Рад тебя видеть.

– Привет, Джонатан. Не против, если я составлю компанию?

– Конечно, присоединяйся. – Кинг повернулся к сидящей рядом женщине. На вид ей было лет тридцать – черные, сияющие волосы, пытливые глаза. – Познакомься – Зои Демпстер. Поступила в «Люкс» шесть месяцев назад, младший стипендиат. Специалист по многовариантным исчислениям.

В «Люксе», как и в других подобного рода учреждениях, людей представляли не только по имени – к последнему автоматически добавлялась специальность.

– Здравствуйте, – с улыбкой сказал он.

– Здравствуйте. – Демпстер нахмурилась. – Мы уже встречались?

– Это Джереми Логан, – объяснил Кинг.

Секунду-другую она еще смотрела на него из-под сдвинутых бровей, а потом лицо осветилось, словно над головой вспыхнула электрическая лампочка.

– О... Вы – тот... – Она осеклась.

– Все правильно, охотник за привидениями, – подтвердил Логан.

Демпстер рассмеялась – как показалось, с некоторым облегчением.

– Это не я – вы сами так сказали.

Краем глаза Логан заметил Олафсона. Тот сидел в дальнем конце столовой вместе с вице-директором, Перри Мейнардом, и еще несколькими коллегами. Поймав взгляд Логана, Олафсон кивнул.

– Джереми работал здесь одно время, – тактично сказал Кинг. – Лет, наверное... Сколько прошло, Джереми?

– Почти десять лет.

– Десять лет... Даже не верится. – Кинг покачал головой. – Будешь заниматься какими-то исследованиями?

Логан видел, с каким любопытством эти двое смотрят на него. Им, конечно, хотелось знать, чем вызвано его присутствие здесь. Он еще раздумывал, как бы получше ответить, когда к столу вернулся и сел на свое место мужчина лет пятидесяти, с коротко постриженными, черными с проседью волосами и красивой, ухоженной бородкой, гордиться которой мог бы и сам Зигмунд Фрейд. Поставив рядом с тарелкой полную чашку черного кофе, он поднял голову и с выражением театрального удивления воззрился на Логана.

– Ну и ну, – промолвил он. – А я как раз спрашивал себя, уж не пора ли тебе объявиться.

– Привет, Роджер, – сказал Логан.

– И тебе того же, – густой и мягкий английский акцент придавал всему произнесенному Роджером Карбоном некое особенное, слегка высокомерное звучание. Он повернулся к остальным. – Джонатан, ты, несомненно, помнишь Джереми Логана. А вот вы, Зои, разумеется, нет. Хотя и могли видеть его по телевизору. Как раз прошлым вечером я обнаружил его на Си-эн-эн. Никакой Несси не существует. Забавно.

Логан только кивнул. Все то время, что он работал в «Люксе», Роджер Карбон, специалист в области эволюционной психологии, оставался его заклятым врагом, поскольку изучение необъяснимых загадок и сверхъестественных феноменов считал занятием недостойным почтенного института и рассчитанным единственно на сенсацию. Он также принадлежал к немногочисленной группе, добившейся в конце концов того, что Логана попросили уйти.

Незаметно подошедший к столу официант предложил листок с распечатанным меню. Логан быстро пробежал его глазами, отметил выбранные блюда и вернул листок официанту, который мгновенно исчез.

– Должен сказать, описывая *modus operandi*[2 - Образ действия (лат.)], ты был весьма убедителен, – беззаботно продолжал Карбон. – У тебя ведь даже название есть для этой твоей... э... дисциплины, не так ли?

– Энигмалогия.

– Вот-вот. Энигмалогия. Если я правильно помню, в период работы в «Люксе» у тебя даже этого не было.

– За десять лет много чего может случиться, – ответил Логан, игнорируя насмешливый тон Карбона.

– Да уж конечно. Следует ли понимать это так, что ты кодифицировал сие новое поле научного исследования? Систематизировал? Определил принципы? Можем ли мы ожидать скорого появления учебника? Наверное, «Основы привидениологии»? Или нет – «Привидения для “чайников”»?

– Роджер, – предостерег Джонатан Кинг.

– Я освоил несколько сильных древних проклятий, – старательно сохраняя небрежный тон, заметил Логан. – На сегодня у меня специальное предложение: наложение порчи на двоих по цене одного.

Демпстер сдавленно фыркнула и торопливо прикрыла ладонью рот. Кинг улыбнулся. Карбон отпил кофе и сделал вид, что пропустил выпад мимо ушей.

- Ты ведь здесь из-за Стрейчи, так? – спросил он, меняя тему.

- Более или менее.

- Ну так поделись деталями!

- Как-нибудь в другой раз. Могу лишь сказать, что совет директоров обратился ко мне с просьбой расследовать обстоятельства и природу его смерти.

- Природу его смерти... Никто об этом особенно не распространяется, но дело, говорят, жуткое. – Карбон пристально посмотрел на него. – Это правда, что голову бедняги нашли в розовом кусте?

- Не могу сказать, – ответил Логан.

- Скажи хотя бы, с чего собираешься начать.

- Я уже начал.

Секунду-другую Карбон переваривал ответ, подтекст которого явно пришелся ему не по вкусу.

Официант принес первое блюдо: салат фризе с беконом и яйцо-пашот.

- Вообще-то, я думал заглянуть вначале к Перри Мейнارد.

- А... Что ж, в таком случае не забудь спросить его о других.

Логан замер, не успев даже взять вилку.

- О других?

- О других. – Карбон допил кофе, аккуратно промокнул губы льняной салфеткой, улыбнулся Кингу, подмигнул Зои Демпстер, поднялся и, не произнеся больше ни слова, вышел из-за стола.

Офис вице-директора Перри Мейнарда оказался вдвое больше директорского. И хотя в нем, разумеется, ощущался тот же эдвардианский дух, выглядел он совершенно иначе, нежели кабинет Олафсона. Разместился офис на четвертом этаже, под массивной, с выступающим карнизом крышей. Окна смотрели на север, открывая вид не на скалистое, угрюмое побережье, а на широкую лужайку. Внушительный письменный стол с минимумом бумаг, комплект пинговских ключек, с расчетливой небрежностью брошенных в углу, и фотографии спортивной тематики на стенах – казалось, кабинет принадлежит исполнительному директору какой-нибудь корпорации. Ничего удивительного в этом, в общем-то, не было – до назначения на должность вице-директора Мейнард занимался макроэкономикой. Сотрудники «Люкса», как давно заметил Логан, разделялись на два основных типа. Представители первого, академического, предпочитали белые халаты и слегка мятые блейзеры и постоянно пребывали в состоянии озабоченности и погруженности в проводимые исследования. Относившиеся ко второму, корпоративному, типу обычно специализировались в области индустриальной психологии или делового администрирования, носили темные элегантные костюмы и, как правило, демонстрировали уверенность и суперкомпетентность.

В святая святых вице-директора Логана допустили, предварительно проведя через приемную, в десять часов утра следующего дня.

– А, Джереми. – Мейнард вышел из-за стола и, здороваясь, сжал руку Логана так, словно проверял его кости на прочность. – Я тебя ждал. Садись.

Махнув в сторону пары кожаных кресел, вице-директор вернулся за стол. Садиться рядом с гостем он в отличие от Олафсона не стал.

– Поздравляю с повышением, – сказал Логан.

Мейнард снова махнул рукой, на этот раз пренебрежительно. Русоволосый, подтянутый, спортивного сложения, он выглядел гораздо моложе своих пятидесяти лет.

– Предпочитаю считать себя директором-распорядителем. Знаешь, большинство наших стипендиатов сами себе голова. Каждый из них лучше кого-либо другого знает свою область исследования, свой маленький удел. Я – всего лишь администратор.

Такая самоуничижительная оценка собственной роли не обманула Логана. Пусть Мейнард и был лишь администратором, но он обладал огромной властью и мог воспользоваться ею в случае необходимости. Да, «Люкс» исполнял функции «мозгового центра», но оставался при этом частной корпорацией, для которой не на последнем месте стоял вопрос прибыли. Организация, конечно, получала солидные гранты, ей выдавались ежегодные поощрительные стипендии и выделялись фонды для проведения академических исследований в различных областях, но обеспечивалось это все только за счет постоянных доходов. Об этом редко говорилось, но каждый стипендиат знал: самое эффективное исследование – то, которое в конечном итоге находит практическое применение. Интересно, подумал Логан, был Мейнард одним из тех троих, кто голосовал за его приглашение сюда, или выступал против.

– Ты, конечно, хотел бы поговорить об Уилларде Стрейчи, – сказал Мейнард, устраиваясь в кресле.

Логан кивнул.

– Какая ужасная история. – Мейнард покачал головой. – Ужасная.

– Грегори сказал, что ты в курсе того, над чем Стрейчи работал в последнее время.

– Ммм... да. – Мейнард откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. – Ты, может быть, помнишь, что его специализацией были СУБД.

– СУБД?

– Да. Системы управления базами данных. Он добился больших успехов в совершенствовании модели реляционной базы данных, созданной Эдгаром Коддом и другими. «Параллакс», база данных самого Стрейчи, был одним из прорывных приложений начала восьмидесятых.

– Продолжай, – кивнул Логан.

– «Параллакс» – это администратор базы данных с встроенным языком программирования, разработанным самим Стрейчи. Стал своего рода легендой благодаря скорости, расширяемости и небольшому дисковому пространству – это не громадина наподобие, например, DB2. Был популярен с мини-компьютерами VAX, которыми в то время пользовались во многих кампусах. То есть лет тридцать тому назад, – Мейнард пожал плечами. – О том, как изменились с тех пор языки программирования, не стоит и говорить.

– И Стрейчи пришел к выводу, что лучшие годы остались позади. Ты это пытаешься сказать?

– Не думаю, что он представлял все именно так. Стрейчи очень гордился сделанной работой. А еще он был настоящим ученым академического типа: для него ценность исследования заключалась в самом факте научного поиска... – Мейнард помолчал, словно не зная, стоит ли продолжать. – Вообще-то, если хочешь знать, это у «Люкса» были с ним проблемы.

Логан нахмурился.

– Не понимаю.

– Как я уже сказал, программирование сильно изменилось. В наше время это объекты, наследование классов, скриптовые языки. Те самые новшества, которые обеспечили революционный прорыв «Параллакса» при его появлении, впоследствии затруднили его модернизацию. И, давай будем смотреть правде в лицо, «Параллакс» устраивал Стрейчи таким, каким был. Он просто продолжал совершенствовать свое детище, тогда как многие более крупные клиенты шли дальше.

– И их деньги уходили другим.

Мейнард болезненно поморщился, но кивнул, соглашаясь с собеседником.

– В любом случае Стрейчи был накрепко связан с «Люксом». Здесь он стал старшим стипендиатом. Здесь добился успехов, которыми мы все гордились.

Хотя он вполне мог бы уйти в отставку с полным пансионом, мы были только рады, чтобы его работа по реляционной базе данных продолжалась. Но наверху решили, что такое исследование может рассматриваться только как побочное.

- Другими словами, как хобби, а не оплачиваемая работа.

- Платили ему как и прежде, но несколько месяцев назад мы поступили с Уиллардом так, как поступаем со всеми нашими стипендиатами, которые отходят от своего основного исследования. Мы нагрузили его еще и административными обязанностями, причем такими, которые могли принести «Люксу» непосредственную выгоду.

- Как поступают со штатным профессором, переводя его на должность помощника декана.

- Примерно так.

- Ты можешь сказать, в чем состояли эти административные обязанности? - спросил Логан.

- Предложение, вообще-то, исходило от Роджера Карбона. Уилларда назначили ответственным за реставрацию Западного крыла, которое, как ты, наверное, знаешь, не обновлялось целую вечность. Последние несколько лет им фактически не пользовались. Дело не в том, что находиться там небезопасно, но оно определенно требует полного переоснащения и приведения в соответствие с требованиями двадцать первого века. Не мне тебе говорить, что потеря таких площадей сильно затруднила нашу работу, несмотря даже на расширение служебных построек. Так что восстановление Западного крыла стало для «Люкса» задачей первостепенной важности.

- Уиллард Стрейчи тоже считал это важным?

Мейнард пытливо посмотрел на Логана.

- Если ты думаешь, что Уиллу не нравилось это поручение или он рассматривал его как нечто недостойное, своего рода понижение, то ты сильно ошибаешься. Он знал, как работает «Люкс», и страстно увлекался архитектурой. У него

появился шанс взять прекрасный архитектурный образчик конца девятнадцатого века и перепрофилировать его в современное и утилитарное пространство. Уилл не собирался пачкать руки, орудия пневматическим молотком – он занимался проектированием функциональности, пытаюсь сбалансировать практическое с эстетическим. Как бы выступал в роли домовладельца, объясняющего подрядчику, что он хочет получить, но, разумеется, при совсем другом порядке величин. С ним, конечно, работал архитектор – уточнял проекты, занимался инженерным обеспечением, – но идеи рождал Стрейчи. И, судя по всему, работа пришлась ему по душе. Я, естественно, виделся с ним не каждый день. Тебе надо поговорить с мисс Миколос.

– Кто такая?

– Ким Миколос, его ассистентка.

– Та самая, на которую он напал?

Короткая пауза.

– Да.

– Что ты можешь сказать о поведении Стрейчи в последние недели?

– Ко мне многие по этому поводу обращались. Вообще-то, я даже намеревался поговорить с ним... – Мейнард ссутулился, отвел взгляд в сторону. – Теперь уже поздно, и я никогда не узнаю, мог ли сделать что-то для него, как-то ему помочь.

– Ты упомянул, что он работал с архитектором...

– Да. Как оказалось, с правнучкой того самого архитектора, который и построил «Темные фронтоны». Ее зовут Памела Флад. Продолжает семейные традиции – у нее архитектурная фирма. Нам с нею повезло.

Логан взял его слова на заметку.

– Извини, Джереми. – Мейнард взглянул на часы. – Мне нужно на собрание. Позже с радостью отвечу на любые твои вопросы. – Он поднялся из-за стола.

– Если можно, еще один.

Мейнард остановился.

– Конечно.

– Вчера вечером, за обедом, доктор Карбон посоветовал мне спросить о «других».

Мейнард нахмурился.

– Он так сказал?

– Да. И предложил обратиться именно к тебе.

Мейнард медленно покачал головой.

– У Роджера особое чувство юмора – я никогда его не понимал. Может, и над тобою подшучивал – ты же знаешь, он твои исследования никогда всерьез не воспринимал.

– Знаю. Но что он имел в виду? Каких «других»?

Мейнард снова посмотрел на часы.

– Извини, Джереми, но я действительно никак не могу опоздать на это собрание. Пожалуйста, держи нас с Грегори в курсе. И, что бы ты ни делал, будь осмотрителен. Замарать репутацию такого почтенного учреждения, как «Люкс», очень легко. – Он улыбнулся и жестом предложил Логану выйти из кабинета первым.

Часом позже Логан, повесив на плечо холщовую сумку, шел по центральному коридору «Люкса». Коридор этот – шутники называли его Дамской дорожкой – сохранился в почти неизменном виде с той давней поры, когда особняк был частной резиденцией. Роскошь была в глаза: широкие полированные деревянные половицы; изящные стенные панели; кессонный потолок; позолоченные бра и огромные, написанные маслом портреты в золоченых рамах. Этот коридор являлся еще и самым длинным в особняке: проходя через все здание, он растянулся, по городским меркам, почти на три квартала, от Западного крыла до Восточного. И тем не менее при всем великолепии посетители видели его крайне редко. Отчасти потому, что третий этаж был отдан под частные офисы и апартаменты стипендиатов «мозгового центра». Другой причиной могло стать данное коридору прозвище – у посторонних, чего доброго, возникли бы неуместные вопросы.

Даму, о которой шла речь, звали на самом деле Эрнестина Делава, и она была женой первого хозяина «Темных фронтонов». Красивая, воспитанная, образованная, Эрнестина являла собой продукт одной из славнейших бостонских семей и лучших европейских пансионатов благородных девиц. К несчастью, она обладала нервическим темпераментом и слабой конституцией. Смерть единственного сына от оспы оказалась для нее слишком сильным ударом. Слезы, проливавшиеся порой без какой-либо особенной на то причины, недостаток аппетита и бессонница стали ее постоянными спутниками. Доктора, призванные ее супругом Эдуардом – человеком весьма эксцентричным, в бессилии разводили руками и прописывали патентованные средства, назначаемые при излечении недуга, называемого ими неврастенией. Однажды ночью (шел 1898 год) Эрнестина Делава увидела, или посчитала, что увидела, своего умершего сына – простирая к ней руки, мальчик стоял в конце этого самого коридора.

С того раза она каждую ночь бродила по коридору, неустанно призывая сына. Но больше несчастная женщина его не видела. В конце концов, через два года, бурным декабрьским вечером миссис Делава вышла из особняка, добрела до моря и бросилась с обрыва в Атлантический океан.

Эдуард Делава так и не оправился полностью от двойной утраты. Остаток жизни он провел в уединении, тратя силы и деньги на изыскание способа установки связи с ушедшими в мир иной супругой и сыном. Почти разорившись, вдовец

умер в 1912 году. Заколоченный и необитаемый, особняк так и простоял до тех пор, пока «Люкс» не перебазировался из Бостона в Ньюпорт и не приобрел пустующее здание. Ходили, однако, слухи, что и после появления нового владельца дух Эрнестины Делаво появляется в особо бурные ночи и разгуливает по коридору с платком в руке, призывая сына по имени.

Логан ее не видел. И даже не встречал тех, кто видел. Но легенда не умирала.

Теперь он остановился перед массивной деревянной дверью с табличкой, на которой значилось следующее:

382

У. СТРЕЙЧИ

К. МИКОЛОС

Он постоял секунду-другую, потом постучал. Из-за двери тут же донесся женский голос:

– Войдите.

Логан вошел. Комната оказалась довольно маленькой и, судя по открытой двери в дальней стене, служила приемной. Та, что находилась за нею, была значительно больше. На книжных полках стояли технические журналы и учебники, теснились снабженные ярлычками рукописи; на единственном письменном столе лежали нотные листы и монографии. При этом, как ни странно, комната сохраняла вид скорее организованный, чем беспорядочный. Окон не было, как и фотографий или картин на стенах; их заменяли с полдюжины стеклянных рамок с бабочками – большими и маленькими, монохромными и радужными, как павлины.

За столом сидела женщина лет двадцати пяти или двадцати шести; ее пальцы лежали на клавиатуре рабочей станции. Короткие иссиня-черные волосы, вздернутый носик и – при худеньком телосложении – круглый подбородок с ямочкой, напомнивший Логану Бетти Буп[3 - Бетти Буп (англ. Betty Voor) –

персонаж американских рисованных мультфильмов, созданный М. Флейшером в начале 1930-х гг.]. Накануне он видел ее за обедом в столовой – она оживленно обсуждала что-то с молодыми коллегами.

– Вы – Кимберли Миколос? – спросил Логан в ответ на ее выжидающий взгляд.

– Да, – ответила она. – Язык сломаешь, правда? Пожалуйста, называйте меня Ким.

– Так тому и быть.

Она улыбнулась.

– Боюсь, я знаю, кто вы.

Логан безнадежно вздохнул.

– В таком случае... Вы не против, если я сяду?

– Я даже буду настаивать на этом.

Логан начал садиться, но вдруг заметил на стене у стола рамочку с короткой, отпечатанной черным шрифтом цитатой на латыни: «Forsan et haec olim meminisse iuvabit». Он замер.

– Что такое? – спросила женщина. – Увидели привидение?

– В моей работе это профессиональный риск. Но дело не в этом. – Он сел и указал на рамочку с цитатой. – Вергилий. «Энеида». Книга первая, строка двести третья.

– Какая эрудиция... Всегда есть чем козырнуть.

– Я не знаток по этой части. Просто точно такая же цитата висит и над моим рабочим столом. Может быть, и об этом будет приятно вспомнить когда-нибудь.

Миколос вскинула брови.

- Наверное, это значит, что мы станем лучшими друзьями.

- Может быть. Мне тоже нравятся бабочки.

- Они мне не просто нравятся. Я их обожаю. Еще с детства. Посвящаю им все свободное время. Взгляните на эту. - Она указала на небольшую бабочку в ближайшей рамке: коричневую, с черными глазками и оранжевыми полосами на крыльях. - Сатир Митчелла. Очень редкая. Я поймала ее, когда мне было тринадцать лет. Им тогда еще ничто не угрожало.

- Красивая, - Логан перевел взгляд с бабочки на Миколос. - Так вы знаете, кто я?

- Видела вас в каком-то документальном фильме на Ти-би-эс. О раскопках гробницы древнего фараона - первого фараона, если не ошибаюсь. Вас я запомнила из-за вашей профессии. - Она наморщила лоб. - Какое-то необычное слово. Это... эно...

- Энигматолог, - подсказал Логан, подумав, что сравнение с Бетти Буп несправедливо, и подбородок мисс Миколос больше напоминает Клодетт Колбер[4 - Клодетт Колбер (1903-1996 г. Спайтстаун) - американская актриса, одна из ведущих исполнительниц комедийных ролей в 1930-е гг.].

- Точно, энигматолог.

- Что ж, рад, что вы видели тот фильм. Сэкономлю время на вступлении.

Она с любопытством посмотрела на него.

- Будете изучать Дамскую дорожку?

- Увы, нет. Совет директоров поручил мне расследовать смерть Уилларда Стрейчи.

Она медленно опустила глаза и уже совсем другим тоном произнесла:

– Этого я и боялась.

– Мисс Миколос, понимаю, вам трудно. Постараюсь не мучить вас вопросами слишком долго. Но вы были ближе к доктору Стрейчи, чем кто-либо другой. Надеюсь, вы понимаете, почему мне так важно поговорить с вами.

Она молча кивнула.

– Для начала расскажите немного о себе. Как вы попали в «Люкс», как стали работать с доктором Стрейчи...

Миколос отпила чая из стоявшей на столе чашки.

– Я не знаю, насколько хорошо вы знакомы со здешней системой привлечения специалистов. Они довольно привередливы.

– Это еще слабо сказано.

– Примерно так же британцы набирают потенциальных шпионов в МИ-6. «Люкс» держит охотников за талантами в нескольких лучших университетах. Ищут перспективных, подающих надежды ребят с подходящим темпераментом, пытливых, любознательных – «Люкс» обеспечивает своих хедхантеров специальными анкетами, а когда находят, связываются с фондом. Кандидата изучают более детально, и если результат положительный и есть открытая профильная вакансия, ему делают предложение. В моем случае было так: четыре года назад я получила магистерскую степень в Массачусетском технологическом институте и планировала перейти сразу к докторской. Но потом получила награду Компьютерного общества по номинации обфускационных программ, и меня навестил рекрутер из «Люкса». – Она пожала плечами. – И вот я здесь.

– Какая специализация была у вас в МТИ?

– Стратегическое проектирование программного обеспечения.

– Впервые о таком слышу.

– Довольно новая область. Основное направление – защита программ от опасной цифровой среды: «червей», туннелинга, реверс-инжиниринга, вторжений враждебных корпораций или правительств. И, конечно, тот, кто этим занимается, учится писать собственные алгоритмы реверсивного инжиниринга. – Она лукаво улыбнулась.

– Вас взяли именно на место ассистента доктора Стрейчи?

Миколос кивнула.

– Его прежняя ассистентка ушла – готовилась стать матерью и решила полностью посвятить себя ребенку. – Она помолчала. – Любопытная тенденция у замужних женщин – они то и дело беременеют.

– Я и сам частенько об этом задумывался. – Логан откинулся на спинку стула. – А вы подходили для такой работы? Я имею в виду, с доктором Стрейчи. Он ведь как-никак занимался реляционными базами данных.

Миколос ответила не сразу.

– Не знаю, насколько хорошо вы знакомы с предметом. Они ведь намного мощнее и гибче неструктурированного файла или иерархических баз данных. Система управления базами данных самого Стрейчи, «Параллакс», была на момент появления настоящим открытием. Он – феноменальный кодировщик. Нет, правда. Начать с того, что язык, на котором он ее написал, «Си», очень компактный. Мало того, у него каждая строчка выполняла тройную функцию. И все-таки «Параллакс» был... ну, скажем так, продуктом своего времени. «Люкс» искал способ приспособить его для более широкого и менее требовательного рынка.

– И это означало вливание свежей крови.

– В наше время программы, за лицензии на которые большие корпорации заплатили когда-то сотни тысяч долларов, вовсе не обязательно отправлять на полку по мере старения. Их можно перепрофилировать для нужд компаний поменьше, которые заплатят не так много, но чьи потребности более ограничены. Однако, по сути, это все равно что выпустить программу в свободное плавание – следовательно, ее нужно защитить от взлома. Вот тут и

приходит мой черед.

– А результат?

Она посмотрела на него.

– То есть?

– Ну, такой человек, как Стрейчи, чья карьера близится к концу, может обидеться или даже возмутиться – мол, как же так, труд всей его жизни перепрофилирует кто-то молодой, худой да голодный...

В разговоре возникла пауза, за время которой с Миколос случилась заметная перемена. Дружелюбная, открытая, даже игривая, молодая женщина заметно смутилась и даже отодвинулась от стола, как будто и от самого Логана.

– Можно на секундочку взять вас за руку? – спросил он.

Она удивленно нахмурилась.

– Если вы не против. Мне это помогает лучше почувствовать человека, с которым я разговариваю. Иногда даже получается понять что-то на более глубоком уровне, чем только через языковое общение.

Немного поколебавшись, Миколос протянула руку. Он бережно взял ее в свою, подержал...

– Я знаю. Знаю, что вы изо всех сил стараетесь справиться с пережитым. Один из возможных способов – притвориться, говорить и держаться беспечно, избегать этой темы. Это хороший защитный механизм. По крайней мере, на время помогает.

Ее глаза наполнились слезами. Логан отпустил руку. Миколос отвернулась, достала из коробки салфетку. Прошла минута. Она глубоко, прерывисто вдохнула и снова обратилась к нему:

– Я в порядке. Извините.

– Вам не за что извиняться. Вы пережили нечто ужасное.

– Просто... – Миколос не договорила, и Логан уже подумал, что она снова расплачется, но женщина собралась. – Уиллард был таким добрым, таким мягким... Любил свою работу. Любил «Люкс». И меня, думаю, тоже любил... в каком-то смысле.

– То есть ни обиды, ни возмущения... Он не видел в вас конкурента, нацелившегося на его место?

– Нет. Ничего подобного. Я немножко опасалась, что он может так подумать... поначалу – наверное, вполне естественная реакция. – Миколос шмыгнула носом и взяла еще одну салфетку. – Но он был по-настоящему заинтересован в том, чтобы перепрофилировать «Параллакс» для более широкого рынка. И, по-моему, чувствовал, что сделал уже достаточно. Совершил несколько прорывов в теории реляционной базы данных. Создал собственную и очень успешную СУРБД[5 - Система управления реляционной базой данных.]. Более чем достаточно для одного человека. Да, он интересовался работой, старался усовершенствовать «Параллакс», но участвовал во всем этом уже не так активно.

– А в чем именно состояла работа?

Миколос ответила не сразу.

– Просто так не объяснишь, надо вдаваться в технические детали. Взять, к примеру, обфускацию...

– Вы уже упоминали этот термин. Что это такое?

– Подмножество реверсивного инжиниринга. Затрудняет анализ, понимание алгоритмов работы и модификацию при декомпиляции. «Люкс» получал деньги за «Параллакс», и, конечно, они не хотели его отдавать. Но вообще-то, по большей части я занималась рецензированием программы. И еще помогала ему отслеживать и документировать развитие его теорий.

– Другими словами, были Босуэллом при Джонсоне[6 - Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель и мемуарист, написавший двухтомную

«Жизнь Сэмюэла Джонсона».]

Миколос негромко рассмеялась, хотя глаза ее еще блестели от слез.

– Мы оба были его Босуэллом. Уиллард гордился своей работой. Гордился по-настоящему. Хотел, чтобы все было учтено, записано, зафиксировано. Он не для себя это делал – для будущего поколения. Или по крайней мере для тех, кого в «Люксе» можно таковым считать.

– Понятно. – Логан ненадолго задумался. – А как с другой работой, которую он начал несколько месяцев назад? Я имею в виду перестройку и перепроектирование Западного крыла.

По лицу Миколос как будто пробежала тень.

– Поначалу он вообще о ней не говорил. Во всяком случае, ничего плохого. С другой стороны, злословить, винить кого-то или что-то не в его характере. Но я видела, что он не очень доволен. В то время Уиллард больше всего хотел закончить свою работу, может быть, несколько сократить количество часов, чтобы иметь возможность чаще ходить под парусом. Однако потом его отношение стало меняться, появился интерес. Приходилось много заниматься архитектурным планированием и дизайном, и он получал от этого удовольствие.

– Насколько я понял, доктор Стрейчи тесно сотрудничал с фирмой, которая и построила когда-то это здание.

– Да. «Флад ассошиэйтс».

Логан вздохнул. Начиналось самое трудное.

– Еще один вопрос. Не могли бы вы рассказать о событиях, приведших к нападению на вас доктора Стрейчи?

Миколос молчала.

– Не спешите. Расскажите своими словами.

Она снова потянулась к коробке с салфетками.

- К этому шло постепенно, и я заметила не сразу. Началось, наверное, с раздражения - раньше он никогда не раздражался; добрейший был человек. За те два года, что я с ним работала, ни разу голос не повысил. Но в последнее время стал покрикивать - на секретарей, на обслуживающий персонал, однажды даже на меня. А еще иногда вел себя странно.

- В каком смысле странно?

- Махал руками перед лицом, как будто отталкивал что-то. Мычал, как делают дети, когда кто-то им не нравится или слишком долго говорит. А еще... еще постоянно бормотал.

- Я слышал, он вроде бы разговаривал с собой. Вы слышали, что он говорил?

- До последнего времени, может быть, пару дней, - что-то неразборчивое. Думаю, сам он этого не сознавал. А то, что я иногда слышала... ну, это по большей части вздор.

- И все-таки.

Миколос задумалась.

- Что-то вроде: «Прекратите. Перестаньте. Мне это не надо. Уходите. Нет, вы меня не заставите».

- А что потом?

Миколос облизала губы.

- В последние пару дней все вдруг резко ухудшилось. Закрывал дверь в офисе, кричал, швырял вещи. Со мною не разговаривал. Однажды, проходя мимо, вдруг заткнул уши. А потом, в прошлый четверг... Он был такой возбужденный, такой беспокойный. Я подошла, положила руку ему на плечо, спросила, могу ли чем-то помочь. Он вдруг обернулся... - Она вздохнула. - Господи... Лицо багровое, перекошенное злостью, глаза безумные... Но, знаете, я увидела в них не только

ярость, но и отчаяние и, может быть, беспомощность. Он отбросил мою руку, схватил за плечи, толкнул на стол и начал душить. Я швырнула ему в лицо клавиатуру...

Миколос поднялась.

– Только тогда он меня отпустил. Я выскочила из-за стола, нашла телефон, позвонила консьержу, потом доктору Олафсону. Через минуту сюда ворвались трое лаборантов; Уилларда скрутили и увели. Он отбивался, кричал в голос... Вот тогда я и видела его в последний раз.

Она отвернулась и, переведя дух, снова села за стол.

– Спасибо, – сказал Логан.

Миколос кивнула. Некоторое время оба молчали.

– Пожалуйста, мне нужно это знать, – первой заговорила она. – Говорят, он покончил с собой. Но я не верю.

Логан не ответил.

– Пожалуйста, скажите мне. Как он умер?

Ученый колебался. Информацию старались не разглашать, но эта женщина помогла ему, хотя ей и было нелегко.

– Об этом предпочитают не распространяться.

– Я никому не скажу.

Логан пристально посмотрел на нее.

– В библиотеке для гостей тяжелые оконные рамы. Он обезглавил себя, воспользовавшись одной из них.

– Он... – Миколос в ужасе прижала ладонь ко рту. – Какой ужас. – Она покачала головой. – Нет. Это не Уиллард. Уиллард не мог.

– Что вы имеете в виду?

– С ним явно было что-то не так. Может, заболел – не знаю... Но он никогда, никогда бы не покончил с собой. Ему было ради чего жить. Безрассудность, опрометчивость – это совершенно не в его характере. А еще для него было важно достоинство... Нет, он никогда бы не покончил с собой, тем более вот так.

Примерно то же и с такой же убежденностью говорил и Олафсон.

– Именно потому я и вернулся, – сказал Логан. – Попытаться понять, что случилось.

Миколос рассеянно кивнула. Потом взглянула на него.

– Вернулся? Как это понимать?

– Лет десять назад я провел в «Люксе» шесть месяцев. Занимался одним своим исследовательским проектом.

– Правда? Шесть месяцев – срок довольно странный. Обычно на исследование отводятся годы.

Логан снова задержал на ней оценивающий взгляд. Что-то подсказывало – этой женщине можно доверять. Более того, она могла бы даже помочь ему, хотя он еще не представлял, в чем именно.

– Меня попросили уйти.

– Почему?

– Вы же знаете историю «Люкса» – это старейший в стране «мозговой центр». Знаете, какое положение он занимает.

- Хотите сказать, мы все здесь – кучка зажатых придурков?
- Вроде того. Мою работу признали неадекватной. Не вполне научной. Недостаточно интеллектуально строгой. Некоторые посчитали ее каким-то надувательством, шаманством. Руководство, во главе с доктором Карбоном, указало мне на дверь.
- Карбон, – поморщилась Миколос. – Тот еще паршивец.
- Так вот, теперь я вернулся. Но уже не как стипендиат, а как следователь.
- Доктор Логан, я хочу... мне нужно знать, что случилось. Если смогу чем-то помочь, вы только дайте знать.
- Спасибо. Можете для начала, если не возражаете, провести меня по офису доктора Стрейчи. – Он кивнул в сторону дальнего кабинета.
- Конечно. Только там небольшой беспорядок... С вашего позволения, я пройду первой и немного приберусь. Не хотелось бы, чтобы с вами случилось то же, что и с Алканом.
- Что?
- Шарль-Валантен Алкан. Французский композитор. Сочинил несколько очень и очень необычных музыкальных произведений. Говорят, умер от того, что опрокинул на себя книжный шкаф.
- Никогда о нем не слышал. Вы прямо-таки женщина Возрождения.
- Так же, наверное, думал и «люксовский» хедхантер. – Миколос невесело улыбнулась и поднялась из-за стола. – Ладно, идите за мной.

Частные апартаменты Стрейчи – «комнаты» на языке «Люкса» – находились на третьем этаже особняка, в нескольких шагах от его рабочего кабинета. Логан вошел, воспользовавшись полученным от доктора Олафсона ключом, закрыл за собой дверь, опустил на пол сумку и остановился, впитывая ощущения этого места. Было начало десятого вечера, и мебель проступала в темноте неясными формами. Постояв с минуту, он включил свет.

Логан не знал заранее, чего стоит ожидать, и комната, в которой он оказался – что-то среднее между гостиной и библиотекой, – явила собой приятный сюрприз. Обжитая, уютная, ухоженная. Дорогая мебель, обтянутая кожей цвета красного дерева. Одну стену занимали книжные стеллажи, занятые, как заметил Логан, английскими романами XIX века, переводной латинской классикой, современными детективами, биографиями и многочисленными работами по плаванию под парусом, архитектуре, дизайну и истории вычислительной техники. Книги стояли не ради красоты; сняв с полки две или три, Логан обнаружил, что их читали, причем очень бережно. Кое-где на полях сохранились сделанные рукой Стрейчи пометки, аккуратные и короткие. Характерный для всего особняка эдвардианский стиль присутствовал во множестве дополнительных, со вкусом подобранных деталей: винтажных светильниках, астраханских коврах, написанных маслом картинах в духе английской романтической школы, старой механической кукле, допотопном радиоприемнике в деревянном корпусе, выдавшем виды секстанте – очевидно, Стрейчи был коллекционером старинных технологий. В одном углу стоял письменный стол с убирающейся крышкой, на котором лежали чернильные авторучки; другой монополизировал «Стейнвей»[7 - Знаменитая американская торговая марка фортепиано.] модели Б, черная, полированная поверхность которого сияла в мягком свете. Комната дышала теплом, радушной атмосферой лондонского клуба начала прошлого столетия. На создание такой атмосферы наверняка ушли немалые средства. Впрочем, Олафсон говорил, что для Стрейчи деньги не являлись проблемой. Но одни только деньги решали не все, здесь требовались также время, терпение и усердие. Утонченность, рафинированность, очарование. Логан подумал, что и сам с удовольствием жил бы в таком доме.

Он прошел по остальным комнатам. Апартаменты были не особенно большими – столовая, компактная, но оснащенная дорогим оборудованием кухня, ванная, спальня, – однако везде ощущались те забота и внимание, которые Логан заметил в библиотеке. И нигде ни малейшего указания на работу, оставшуюся там, в офисе, в паре минут ходьбы по коридору. Похоже, эти комнаты целиком и полностью предназначались для отдыха и приятного времяпрепровождения наедине с тем, что было по-настоящему ему дорого: навигацией, искусством,

промышленным дизайном.

Почти всю вторую половину дня Логан провел в офисе Стрейчи, просматривая бумаги, записки, рукописи. Иногда на помощь приходила Ким Миколос, но по большей части он работал один. Как и предполагалось, все указывало на то, что исследование продвигается медленнее и медленнее. И вместе с тем Миколос была права: ученый, по сути, завершал карьеру, которой посвятил всю жизнь, и это подведение итогов доставляло ему огромное удовольствие. Среди многочисленных записок, писем и прочих документов не нашлось ни намека на разочарование и неудовлетворенность – наоборот, все несло печать тихой радости и гордости за значительные достижения на избранном поле деятельности. Теперь Логан уже не сомневался, что по крайней мере не сумерки научной карьеры подтолкнули Стрейчи к самоубийству.

В офисе обнаружили несколько папок, имевших отношение к реконструкции Западного крыла. Чувствуя, что ознакомиться с ними сейчас уже не сможет, Логан собрал их вместе и отослал к себе, чтобы изучить позднее. Потом отправился к штатному врачу «Люкса», и они потратили минут двадцать на изучение медицинской карты ученого. Как и говорил Олафсон, все тесты и обследования показывали, что Стрейчи обладал отменным для своего возраста здоровьем и был эмоционально стабилен. Никаких признаков доклинических состояний или будущих осложнений обнаружено не было.

Логан вернулся в гостиную с надеждой, что Стрейчи все-таки вел дневник или делал записи частного характера в личном журнале, но отыскать что-либо подобное не удалось. Потерпев неудачу в поисках, он достал из сумки видеокамеру и еще раз обошел всю квартиру, снимая каждую комнату. Потом сменил камеру на записную книжку и некое прямоугольное устройство размером с полицейскую рацию. Кнопка управления прибором располагалась внизу, а весь верх занимал аналоговый индикатор детектора электромагнитного излучения. Логан еще раз обошел апартаменты, внимательно наблюдая за стрелкой счетчика и время от времени делая пометки в записной книжке. Последний извлеченный из сумки прибор, счетчик положительных и отрицательных ионов в воздухе, изобиловал кнопками и тумблерами и имел цифровую индикаторную панель. Логан снял несколько показателей, но ионизация воздуха была такой же, как и в других помещениях особняка, где он уже провел соответствующие замеры.

Медленно пройдясь взглядом по комнате, Логан задержался на старом радиоприемнике настольной модели, в корпусе розового дерева. Он рассеянно повернул ручку включения. Ничего. Заинтригованный, Логан взял приемник, повертел в руках и снял заднюю крышку, за которой обнаружилась мешанина из старых, коричневых и желтых проводков и деталей. А вот электронные лампы были заменены оборудованием более современным. Логан пожал плечами, поставил радиоприемник на полку и отвернулся.

Уложив в сумку приборы и записную книжку, он снова огляделся, выбрал самое удобное с виду кресло – судя по стоявшему рядом книжному пюпитру и потертому подлокотнику, именно его предпочитал Стрейчи, – сел, закрыл глаза и стал ждать.

Еще в юном возрасте Логан обнаружил в себе дар эмпата – уникальную, почти сверхъестественную способность ощущать чувства и эмоции других людей. Иногда – если эти чувства и эмоции были особенно сильными или человек оставался в одном месте достаточно долго – ему удавалось воспринимать их даже по прошествии некоторого времени.

Теперь, устроившись в кресле и оставив только мягкий и теплый мутновато-янтарный свет, он освободился от всех мыслей, забот и чувств и стал ждать, когда комната заговорит с ним. Поначалу не было ничего, кроме неясного, диссоциативного ощущения безопасности и комфорта. Удивляться не приходилось: в жизни Стрейчи не было ничего – ни «дымящихся стволов», ни спрятанных в шкафу скелетов, ни эмоциональных проблем, – что могло бы подтолкнуть его к...

И тут случилось нечто странное. Логану послышалась музыка. Сначала тихая, едва слышная. Энигматолог ждал, сосредоточенно и внимательно, и постепенно она зазвучала громче и яснее, чувственная и глубоко романтическая.

Ничего подобного с ним прежде не случалось. Как обладатель особого дара, Логан привык получать эмоциональные впечатления, сильные чувства, порой даже обрывки воспоминаний. Но никогда не слышал музыку. Он выпрямился, открыл глаза и огляделся – может быть, звуки доносятся из других комнат...

И музыка тотчас смолкла.

Логан встал, выключил свет и вернулся в кресло. Опять-таки – сначала ничего. Ощущение комфорта, безопасности и покоя исчезло вместе с музыкой. Постепенно им все сильнее овладевали другие чувства – неуверенности, смятения, тревоги.

А потом вернулась музыка – пианино. Оно играло сначала тихо, потом все громче. Мелодия была та же, проникновенная, романтическая, но и она понемногу менялась. Усложнялась, звучала все настойчивее, требовательнее: длинные проигрыши нарастающего арпеджо в минорном ключе, исполняемые быстрее и быстрее. В этой музыке было что-то невыразимо тревожное, вплетенное в сложные пассажи, почти недоступные постижению, почти, как казалось Логану, дьявольские.

А потом к музыке прибавилось кое-что еще – запах, каким-то странным образом бывший неотъемлемой частью музыки, и этот запах становился все гуще и сильнее, пока не превратился в омерзительную, тошнотворную вонь, какая бывает от горящей плоти. Внезапно из прошлого – а может, из будущего? – всплыла картина: старый дом, рвущееся из окон пламя...

Логан вскочил на ноги. Во рту пересохло. Сердце колотилось в груди. Нетвердым шагом, на ощупь, в темноте, он добрался до выключателя, включил свет и привалился к стене, хватая ртом воздух и тряся головой, чтобы избавиться от звучащей в ушах жуткой музыки.

Дыхание пришло в норму через несколько минут. Логан подобрал сумку, вышел из комнаты в коридор, повернулся, выключил свет и закрыл за собой дверь. Потом положил ключ в карман и направился по коридору к своей комнате, изо всех сил отгоняя мысли и стараясь ни о чем не думать.

Центр технического обслуживания размещался в напоминающем ангар строении с восточной стороны особняка, между другими, но поменьше, хозяйственными постройками, образующими своего рода мини-кампус. Хотя хитроумно спроектированный фасад и пытался имитировать «Темные фронтоны», огромные раздвижные двери и плоская крыша выдавали его истинную природу.

Пройдя через служебный вход, энигматолог как будто оказался в гроте. Справа выстроился внушительный батальон газонокосилок, измельчителей, мини-тракторов «Кубота», траншеекопателей «Дитч уитч» и с полдюжины более эзотерических образчиков – все сияющее и готовое к использованию. За ними находились два ремонтных бокса с большой секцией запасных частей.

Присмотревшись, Логан разглядел в полутьме боксов нескольких механиков в комбинезонах, занятых разборкой какого-то оборудования. Посредине центра стояли длинные и высокие, от бетонного пола до потолка, стеллажи с широкими поддонами, заполненными всем необходимым для поддержания жизнедеятельности комплекса: электровыключателями, полихлорвиниловыми трубами, монтажными платами, санитарно-технической арматурой, канцелярскими принадлежностями и многим другим – с соответствующими этикетками и номерками. Дальше находилась механическая мастерская, а за нею, вдоль левой стены, протянулись кабинки, в которых стучали по клавишам и разговаривали по телефонам. Логан подошел к ближайшему рабочему и спросил, где найти Иена Олбрайта. Ему указали на металлическую лесенку у стены.

Офис был небольшой, но функциональный. Одна стена, полностью стеклянная, позволяла обозревать все пространство центра. Сам Олбрайт оказался немолодым добродушным толстячком с красным носом отпетога пьянчуги.

– Садитесь, – сказал он, со смехом забираясь на край стола, заваленного рабочими нарядами, счетами-фактурами и докладными. – Доктор Олафсон предупредил, что вы придете.

Говорил Олбрайт с сильным акцентом рабочих районов Лондона – после несколько удушающей академической атмосферы главного здания на Логана как будто дохнуло свежим ветерком.

– Спасибо. – Он опустил на стул. – Должен признаться, мистер Олбрайт...

– Иен, если вы не против.

– Должен признаться, Иен, я так и не понял толком, какая у вас должность. Один назвал вас «управляющим инфраструктурой», другой – «начальником строительства».

Олбрайт закинул голову и весело рассмеялся.

– Чушь это все. Я всего лишь суперсмотритель – и у меня на попечении все это огромное муниципальное хозяйство. – Он небрежно махнул рукой в сторону особняка и снова рассмеялся.

Смеялся Олбрайт заразительно, и Логан поймал себя на том, что и сам невольно улыбается и что менять настроение ему вовсе не хочется.

– Вообще-то я пришел поговорить об одном бывшем резиденте этого самого муниципального хозяйства.

– Да? И кто бы это мог быть?

– Уиллард Стрейчи.

Улыбка моментально слетела с лица Олбрайта.

– Да, жутковатое дельце, – глухо сказал он.

– Верно.

– Хороший был человек. Не то что некоторые, смотрят на меня и моих ребят как на каких-то землекопов и даже здороваться не желают. А доктор Стрейчи, тот всегда вежливый был и на доброе слово не скупился.

– Руководство попросило меня изучить обстоятельства его смерти.

– Да, жутковатое дельце, – повторил Олбрайт и, заговорщически подавшись вперед, спросил: – Вам многое известно?

– О чем?

– О том, как он умер.

Логан замялся.

- Почти все.

Олбрайт кивнул, а потом шепотом добавил:

- Это я нашел его... - Он не договорил, но указал на собственную голову. - Косил траву на обочине возле Восточного крыла, вносил подкормку... - Воспоминание о неприятном моменте отразилось на его лице гримасой. - Сказали держать рот на замке.

- По-моему, правильная мысль. Настроение у всех и без того невеселое. - Логан помолчал. - Как бы вы охарактеризовали психическое состояние доктора Стрейчи вплоть до последнего времени?

- Прошу прощения?

- Каким он был? Замкнутым, задумчивым, дружелюбным, угрюмым?

Олбрайт ненадолго задумался.

- Знаете выражение «уютно устроился»?

- Конечно.

- Ну, так это о докторе Стрейчи. Я еще не встречал человека, более подходящего для такого рода деятельности. По крайней мере, по своему темпераменту.

Ответ этот мало отличался от того, что говорили другие, и Логан решил не задавать его в будущем.

- Я бы хотел, если можно, поговорить с вами о Западном крыле.

Олбрайт посмотрел на него с любопытством.

- О Западном крыле? А что такое?

- Можете рассказать мне его историю? Почему оно так долго оставалось закрытым? - В тот недолгий период, когда Логан сам работал в «Люксе», тема Западного крыла затрагивалась редко; его как будто и не существовало вовсе.

- Не могу сказать, что знаю наверняка. В шестидесятые и семидесятые им пользовались практически постоянно - я тогда и пришел сюда, в семьдесят восьмом. Но к тому времени стипендиаты уже начали жаловаться.

- Почему?

- Ну, вроде бы условия не соответствовали... в таком духе. Офисы и лаборатории маленькие и тесные, да еще путаница с переходами - там ведь нет центрального соединяющего коридора. В семьдесят шестом, когда завершилась реконструкция Восточного крыла и все увидели, насколько там стало лучше, люди стали просить о переводе. Штат тогда был меньше, и Восточное могло принять почти всех. Так что Западное понемногу и опустело. А полностью его закрыли в восемьдесят четвертом.

- Почему?

- Посчитали невыгодным содержать горстку работающих блоков. Лишние расходы на электроэнергию. К тому же многое требовало ремонта. Водопроводная и отопительная системы безнадежно устарели. Вот поэтому крыло и закрыли.

- Но недавно снова открыли, - сказал Логан.

Олбрайт кивнул.

- Новые стипендиаты, научные ассистенты... Им, наверное, больше места понадобилось.

- И доктору Стрейчи поручили заняться перестройкой.

- Да. Вместе с мисс Флад.

– Которая архитектор. – Накануне вечером Логан несколько часов разбирался в бумагах, таблицах и чертежах Стрейчи, и название «Флад ассошиэйтс» встречалось там довольно часто. – Участие в работах ваших людей планировалось?

– Нет, нет. Они должны были подключиться в самом конце – заниматься сантехникой, водоснабжением, покраской, монтажом вентиляции. Перепрофилирование – дело большое и ответственное, тут требуются профессиональные строители и, конечно, специалисты.

– Специалисты?

– Да, каменщики и другие. У доктора Стрейчи были грандиозные планы.

– Но вы лично, как я полагаю, имели к ним непосредственное отношение?

– Главным образом в том смысле, что согласовывал календарный график строительных работ с генеральным подрядчиком.

– Доктору Стрейчи нравилось этим заниматься?

– Интересно, что вы об этом спросили. Никогда бы не подумал, что такое придется ему по душе. Что его можно оторвать от любимых уравнений и прочего. Поначалу оно так и выглядело, но я видел, что работа все больше его увлекает. Точнее, работа, связанная с проектированием. Его не интересовало, как сносить стены или класть шпатлевку. Другое дело, как все будет выглядеть. Понимаете, Западное крыло – это что-то вроде старого роскошного лайнера, у которого под ржавчиной скрыта красота. Надо только знать, как ее найти. Доктор Стрейчи это знал. Он разбирался в архитектуре.

– К началу работ все было готово?

– Готово? – Олбрайт рассмеялся. – Работы по сносу уже идут больше месяца.

– Он сам выбирал подрядчика?

– Да, сам.

- Понятно... - Логан ненадолго задумался. - Сейчас там довольно тихо. Наверное, работы приостановили на время из-за трагедии. И, конечно, им надо найти кого-то на место Стрейчи.

- Работы приостановили, тут вы правы. Но вовсе не из-за смерти доктора Стрейчи.

Логан удивленно посмотрел на Олбрайта.

- То есть как?

- За несколько дней до смерти доктор Стрейчи самолично распорядился все остановить.

- Он? Лично?

- Он. Лично. Отправил рабочих домой.

- Он как-то объяснил это свое решение?

- Сказал что-то насчет проблем с прочностью конструкций.

Логан нахмурился.

- Но... Мне казалось, Западное крыло вполне крепкое.

- Я не инженер, но сказал бы, что так оно и есть.

Пауза.

- С кем-то из этих рабочих можно поговорить?

- Сомневаюсь, что вы их найдете. С ними рассчитались, а теперь, как говорится, ищи ветра в поле.

– Вы серьезно? Хотите сказать, что их просто уволили? После того, как собрали с таким трудом?

– Да.

Странно.

– Доктор Стрейчи планировал пригласить инженера-строителя для инспектирования крыла?

– Не могу сказать. Наверное.

Логан задумался. В документах, которые он просматривал накануне, ему не встретилось ни одного упоминания, ни малейшего намека на такое неожиданное развитие событий.

– Вы говорили о генеральном подрядчике. Как с ним связаться?

Олбрайт наморщил лоб.

– Он из Уэстерли. Сейчас... так... Райдаут. Билл Райдаут. Вся рабочая документация должна быть у него.

– Я с ним свяжусь. – Логан помолчал, потом задумчиво кивнул. – Спасибо, что уделите время, Иен. Вы очень мне помогли.

– Я вас провожу. – Олбрайт соскочил со стола, открыл дверь и первым ступил на металлическую лестницу.

11

В одиннадцать вечера своего третьего дня в «Люксе» Логан, повесив на плечо сумку и сунув под мышку скатанные в рулон чертежи, планы и распечатки графиков, вышел в главный коридор.

Рабочий день закончился, часом раньше закрылись двери столовой. В роскошном, с обитыми плюшем креслами и бархатными портьерами актовом зале, сохранившем прежнее название, «Аудитория Делаво», никаких лекций на этот вечер намечено не было. Следуя заведенному распорядку, ассистенты и стипендиаты разошлись по своим комнатам, так что, не считая проскользнувшей мимо горничной и занятых своим делом уборщиков, Логану никто не встретился. Весь «Люкс» – точнее, все помещения общего пользования – был в полном его распоряжении.

Еще раньше, во второй половине дня, энигматолог обошел Восточное крыло, отмечая многочисленные изменения, произошедшие там в результате проведенной в середине семидесятых перестройки. Сохранив в значительной степени архитектурное величие и пышность «Темных фронтонов», оно превратилось в пространство заметно более утилитарное: лампы дневного света сменили старинные канделябры, готическая лепнина исчезла, по крайней мере в офисах и лабораториях, приобретших вид опрятный и функциональный, пусть и менее – в визуальном плане – интересный. Внешне повторяя форму и размеры Западного крыла, оно сохранило три этажа и подвал, тогда как главное здание имело четыре этажа и несколько подвальных уровней.

Судя по планам, которые Логан успел просмотреть, Уиллард Стрейчи и его партнерша-архитектор задумали для Западного крыла нечто совершенно иное. В своем первоначальном исполнении оно воплотило самые эксцентричные замыслы Эдуарда Делаво. Логан долго изучал старые черно-белые фотографии Западного крыла, сделанные незадолго до и вскоре после приобретения особняка «Люксом», и теперь мог легко воспроизвести его облик по памяти. Миновав величественный вход, гость попадал в просторную, овальной формы и относительно пустую галерею, беспрепятственно простиравшуюся в высоту на три этажа, к самой крыше. Все это пространство было отдано стоящим камням – двум громадным менгирам в круге глыб поменьше. Делаво обнаружил их на загадочной древней стоянке у Эмбион-Хилл, неподалеку от городка Маркет-Босуорт, что в Лестершире, и купил все – оптом. Первоначальное предназначение камней оставалось неизвестным – предполагалось, что там проводились доисторические похоронные церемонии. В 1888 году покупка мегалитов с их последующей перевозкой в Америку произвела в Англии настоящий фурор и ускорила, как гласит легенда, основание Национального треста[8 - Национальный трест – организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест; финансируется за счет частных пожертвований и небольших государственных ассигнований.

Основана в 1895 г.]. Первое время Делаво забавлялся тем, что устраивал в галерее костюмированные представления, расставляя по периметру диваны, оттоманки и шезлонги. В поздние годы, после смерти жены и сына, он, вероятно, проводил здесь спиритические сеансы.

Каменный круг занимал примерно первую четверть Западного крыла. Далее, перемешанные в беспорядке, находились галереи, мастерские, изостудии, музыкальные салоны, специализированные библиотеки – буквально десятки сообщающихся между собой комнат, в которых Делаво мог предаваться своим забавам, развлечениям и хобби. По слухам, именно строительство и обустройство этого необычного крыла в конце концов исчерпало финансовые фонды миллионера.

После приобретения «Темных фронтонов» новыми владельцами последние постарались по мере возможности заполнить второй и третий этажи, переоборудовав их под офисы и лаборатории. Вариантов, однако, оказалось немного, поскольку массивные древние камни были встроены в фундамент особняка. Что касается находящихся далее и образующих запутанные лабиринты комнат, то «Люкс» остановился на простейшем решении: убрать оставшийся после Делаво мусор, а освободившиеся помещения передать стипендиатам в качестве рабочих зон. Но решение это породило новые проблемы: чтобы добраться до своего рабочего места, людям приходилось проходить через чужие кабинеты и служебные помещения, что создавало неудобства для всех заинтересованных лиц. «Путаница с переходами», – как сказал Олбрайт. Неудивительно, что после реконструкции Восточного крыла многие выразили желание перебраться туда.

План Уилларда Стрейчи в отношении всей этой неразберихи заключался в том, чтобы снести стены и перегородки, за исключением несущих конструкций, и проложить два параллельных, идущих с севера на юг коридора. Оригинальные декоративные элементы, окна и деревянные панели предполагалось, по мере возможности, сохранить и использовать.

В какой-то момент Логан обнаружил, что ноги сами собой принесли его в конец центрального коридора первого этажа. Дальнейший путь блокировали две массивные деревянные двери. Перед ними, растянувшись между двумя латунными стойками, висел бархатный шнур с большим предупредительным знаком, на котором, под изображением строительной каски, имелась надпись следующего содержания:

СТРОИТЕЛЬНАЯ ЗОНА.

ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА, ИМЕЮЩЕГО РАЗРЕШЕНИЕ

В кабинете доктора Олафсона Логан подписал несколько документов, согласно которым «Люкс» освобождался от какой-либо ответственности и любых обязательств в случае получения им, Логаном, физических травм или повреждения здоровья, вследствие чего он имел на руках полный карт-бланш и мог свободно бродить по всему кампусу. Оглянувшись через плечо и убедившись, что коридор за ним пуст, энигматолог переступил через бархатный шнур, достал из кармана ключ, открыл двери и шагнул через порог. Его встретили тьма и запах опилок и строительных смесей. Логан закрыл дверь, достал, покопавшись в сумке, фонарик, включил и поводил лучом по стенам. Обнаружив выключатели, пощелкал всеми по очереди.

Судя по всему, помещение – небольшой вестибюль – служило чем-то вроде фронт-офиса для Западного крыла. Мебель была укрыта защитными чехлами, деревянный пол прятался под несколькими слоями защитной подкладки, из-за чего помещение приобрело вид странный, лишенный индивидуальности. Выход имелся только один – большая открытая арка в южной стене, и Логан, коротко осмотревшись, воспользовался им.

Он остановился, положил на пол сумку и просмотрел принесенные с собой чертежи и схемы. В соответствии с утвержденным графиком строительства первым пунктом, что вполне естественно, значился демонтаж. Одной из бригад поручалось освободить помещение от всего лишнего и подготовить место для капитальной перестройки. Вторая бригада получила задание более деликатного свойства: снести не являющиеся несущими стены и перегородки на втором этаже, где предстояло проложить, выражаясь профессиональным языком, «боковой коридор А» и «боковой коридор Б», вдоль которых должны были затем, в соответствии с новой планировкой, разместиться лаборатории и офисы. И потом, поочередно, все остальное.

Пройдя дальше, Логан снова оказался в темноте – свет проникал сюда только из вестибюля. Оглядевшись и найдя выключатели, он пощелкал кнопками. Ничего. Скорее всего, электричество отрубили перед началом демонтажных работ. Он

включил фонарик и обнаружил, что находится в помещении без крыши. Пол здесь тоже был застелен защитными подкладками, но они сбились под ногами рабочих, открыв тут и там запылившиеся половицы. Со всех сторон его окружали древние камни – ритуальный хендж Делаво. На фоне стен камни казались особенно огромными. Логан осветил на них, направив луч к высокому потолку. Грубо обтесанные, темные, слегка сужающиеся кверху... Свидетелями каких событий, добрых или дурных, они были? Видели ли они смерть Ричарда III, погибшего неподалеку от Эмбион-Хилл, в сражении, знаменовавшем падение Плантагенетов? Или древние, мрачные языческие церемонии? Было в этих молчаливых стражах что-то тревожащее, и Логан, двинувшись дальше, постарался обойти их стороной.

Коридор уходил в глубину крыла. Пройдя по нему, энигматолог добрался до лестницы, по которой и поднялся. Второй этаж представлял собой руины полуразрушенных офисов. С потолка свисали голые лампочки. Повсюду толстым слоем лежала пыль – в основном от штукатурки, – появившаяся, очевидно, при демонтаже стен и перегородок, оказавшихся на пути предложенных Стрейчи двух параллельных коридоров. С того места, где стоял Логан, просматривались неясные очертания будущего бокового коридора А. Определялся он не тем, что уже было построено, а тем, что было разрушено: длинная зияющая дыра, прорезавшая офисы, склады и коридоры и уходящая в южном направлении, в темноту.

Включив фонарик и сориентировавшись по компасу, Логан просмотрел наряды на работы. Вначале планировалось подготовить площадку для коридора А, затем – для коридора Б.

Медленно и осторожно он двинулся вперед по недостроенному коридору, освещая фонариком вправо и влево и с беспокойством сознавая, что находится на стройплощадке, в опасной близости от накренившихся стен и провисших потолочных балок. Мало того, что у него не было строительной каски, так он еще и собирался обследовать место, куда посторонние не допускались.

Пройдя ярдов двадцать, Логан остановился перед двумя свисающими с потолка до пола брезентовыми полотнищами; одно закрывало путь вперед, другое – вправо. Оба держались на гвоздях, и на ближайшем болталось наспех нацарапанное предупреждение:

ОПАСНАЯ ЗОНА – ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Логан остановился в тяжелой от пыли темноте. Что делать? Достав из сумки перочинный нож, ученый прорезал в брезенте небольшую дыру, направил в нее фонарик и заглянул.

Демонтажные работы здесь были остановлены. Находившиеся за этим рубежом комнаты, заброшенные и пыльные, рабочие не трогали. Почему же Стрейчи вдруг решил, что крыло небезопасно?

На полу перед брезентовым ограждением обнаружилась небольшая «золотая жила»: пневматические молотки, кувалды, компрессоры и даже переносной генератор. Впечатление было такое, что рабочие просто побросали инструменты и оборудование и убежали.

Задержавшись на секунду-другую в нерешительности, Логан повернулся и посветил на второй брезент, блокировавший путь вправо. Он снова пустил в дело нож и заглянул в прорезь. И здесь его ждал сюрприз: никакого коридора за брезентом не было – только голая стена.

Странно. Можно понять, почему Стрейчи запретил входить в потенциально опасную зону. Но зачем завешивать стену?

Логан оторвал брезент от гвоздей и отвел в сторону, обнажив стену. Явно старая, она была частью первоначальной постройки. Рабочие убрали обои и штукатурку, под которыми открылась использовавшаяся для обрешетки дранка.

В середине стены, примерно на уровне груди, темнел круг штукатурки размером с кулак, вставленный в дранку, как затычка в плотину. Осмотрев его, Логан поскреб штукатурку ногтем. Свежая, положена недавно. Не больше нескольких дней назад. Он стал обрабатывать края заплаты ножом, пока штукатурка не отвалилась от обрешетки и осыпалась к его ногам. На ее месте теперь была дыра, черная на черной стене.

Наклонившись вперед, Логан посветил в дыру фонариком и заглянул в пустоту.

И почти сразу же замер.

– Что за черт?

Он быстро, словно обжегшись, отдернул руку и отступил на шаг... другой...

Какое-то время энигматолог стоял, глядя на рваный черный круг. Потом положил фонарик на пол, так, чтобы свет падал на стену, взял из кучки инструментов кувалду и осторожно постучал по стене. А затем, сжав рукоять покрепче, ударил по обрешетке около дыры.

От места удара по стене разбежались паутинки трещин, куски штукатурки посыпались на пол.

Энигматолог продолжал бить, осторожно и расчетливо, расширяя отверстие до таких размеров, которые позволили бы пробраться туда, в темноту за стеной.

Поработав минут десять, Логан расширил первоначальную дыру до пола и получил черную горловину примерно в четыре фута высотой и в два шириной. Он отложил в сторону кувалду, вытер руки о рукава. Подождал, прислушиваясь. Кувалда – инструмент не самый деликатный, – но ни голосов, ни криков слышно не было, а значит, в жилой части «Люкса» никто ничего не услышал.

Логан поднял фонарик, осветил в прорубленный проход, наклонился и, сделав шаг вперед, исчез в зияющем чреве.

12

За стеной была комната. Поводив фонариком по сторонам и оглядевшись, Логан понял, что здесь находилась лаборатория. На единственном, окруженном стульями рабочем столе лежали старомодные на вид приборы. На полу, посередине комнаты, покоилось некое устройство большого размера и непонятного назначения.

Комната была небольшая – около двухсот квадратных футов – и обставлена с тем же вкусом, который отличал «Люкс» в целом. Элегантный камин у стены, несколько картин в старинных рамах. Вот только подобных картин нигде больше в особняке Логан не видел: одна – чернильное пятно Роршаха, другая – портрет кисти Гойи. На угловом столике – старомодный перколятор. В другом углу, на подставке – винтажный фонограф с большим латунным рупором и боковой рукояткой. Рядом, на полу, лежала стопка пластинок на 78 оборотов в бумажных конвертах. За рабочим столом – тележка из нержавеющей стали с предметами, похожими на медицинские инструменты: хирургическими щипцами, кюретками...

В свете фонарика Логан увидел привинченную к стене металлическую штангу, на которой висели объемистые костюмы из какого-то тяжелого металла, возможно, свинца, с веерообразными соединениями на локтях, запястьях и коленях. На шлемах имелись окошечки с тонкими решетками. Странная униформа выглядела как бронированный скафандр пришельцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/linkoln-chayld/zabytaya-komnata/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

В данном случае апертура (также раскрыв) – условная плоская излучающая или принимающая излучение поверхность антенн.

2

Образ действия (лат.).

3

Бетти Буп (англ. Betty Boop) – персонаж американских рисованных мультфильмов, созданный М. Флейшером в начале 1930-х гг.

4

Клодетт Колбер (1903–1996 г. Спайтстаун) – американская актриса, одна из ведущих исполнительниц комедийных ролей в 1930-е гг.

5

Система управления реляционной базой данных.

6

Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель и мемуарист, написавший двухтомную «Жизнь Сэмюэла Джонсона».

7

Знаменитая американская торговая марка фортепиано.

8

Национальный трест – организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест; финансируется за счет частных пожертвований и небольших государственных ассигнований. Основана в 1895 г.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/linkoln-chayld/zabytaya-komnata-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)